І. М. Кулишеръ.

Глубокоуважаемому
Профессору
Павлу Ивановичу
Георгіевскому
отъ искренно уважающаго
автора
1903

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

ТАМОЖЕННОЙ

ПОЛИТИКИ.

БИБЛІОТЕКА
Профессора П. И. Георгіевскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ.
1903.

І. М. Кулишеръ.

ОЧЕРКИ

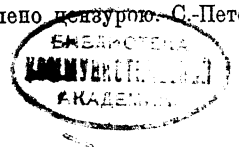
ПО ИСТОРІИ

ТАМОЖЕННОЙ

ПОЛИТИКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ.
1903.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 января 1903 г.



Очерки по исторіи таможенной политики.

I.

Общепринятое названіе „таможенныя пошлины“, какъ это указываютъ финансисты, несомнѣнно, неправильно, если разумѣть подъ пошлинами тотъ видъ государственныхъ доходовъ, который взимается въ качествѣ оплаты спеціальныхъ услугъ, сопряженныхъ съ извѣстными издержками для государства. Этимъ пошлины отличаются отъ налоговъ, которые являются средствомъ покрытія нуждъ государства вообще и которые взимаются внѣ всякаго соотношенія между вносимой плательщикомъ суммой и пріобрѣтаемыми имъ выгодами отъ государства или вызываемыми имъ для казны расходами.

Въ оправданіе термина „таможенныя пошлины“ ссылаются на то, что только современный таможенный доходъ можно отнести къ разряду налоговъ, между тѣмъ, какъ въ прежнія времена онъ всецѣло или въ значительной мѣрѣ носилъ пошлинный характеръ, т. е., что дорожные, мостовые, портовые, конвойные, рыночные и другіе сборы, взимавшіеся въ средніе вѣка, дѣйствительно расходовались на постройку и починку дорогъ, мостовъ и пристаней, на содержаніе вооруженныхъ людей для защиты проѣзжающихъ, на устройство лавокъ и другихъ приспособленій на рынкахъ, являлись уплатой за пользованіе этими учрежденіями и сооруженіями, слѣд., какъ въ объективномъ, такъ и въ субъективномъ смыслѣ соотвѣтствовали тому, что мы связываемъ съ понятіемъ пошлинъ. «Таможенные сборы — говоритъ Конъ—первоначально являлись спеціальной платой за предоставленіе спеціальныхъ выгодъ плательщику. Они уплачивались верховной власти за устройство и безопасность дорогъ, рѣкъ, мостовъ, пристаней, рынковъ[1])».

Въ томъ же смыслѣ высказываются и другіе писатели.

«Таможенные сборы—читаемъ у Кламажерана — являются, въ нѣкоторомъ родѣ, платой за оказанную услугу; они предназначены для покрытія расходовъ на постройку и содержаніе дорогъ, мостовъ, перевозовъ, бечевниковъ, пристаней и площадей» [2]).

---

[1]) Cohn Finanzwissenschaft. Stuttgart. 1889. S. 326.

[2]) Clamageran. Histoire de l'impôt en France. T. I. Paris. 1867 p. 161.

Штейнъ находитъ, что въ раннія времена, въ эпоху родового быта, «Zoll» еще не существовалъ: panagium и teloneum были въ тѣ времена лишь платой за охрану, которая ничего общаго съ налогами на потребленіе не имѣла, а взималась лишь за пользованіе дорогой и за мѣропріятія къ безопасности проѣзда [1])».

И по мнѣнію Вагнера, таможенные сборы первоначально не были налогами на потребленіе или были ими лишь отчасти. Какъ дорожные, такъ и рыночные и привратные сборы (октруа) имѣли пошлинный характеръ, уплачиваясь, въ первомъ случаѣ, за право провоза и торговли, за пользованіе дорогой и оказываемую торговцу защиту, во второмъ—за право ввоза товаровъ въ городъ и продажи ихъ на рынкѣ, за пользованіе лавками и безопасную торговлю на рынкѣ [2]).

Если бы всѣ тѣ многочисленные таможенные сборы, которые взимались въ средніе вѣка, сборы дорожные, мостовые, портовые, рѣчные и т. д., дѣйствительно тратились на содержаніе дорогъ, мостовъ и другихъ сооруженій, то послѣднія должны были бы находиться въ цвѣтущемъ состояніи, всячески облегчая передвиженіе населенія и торговыя сношенія. Въ 14 вѣкѣ было шестьдесятъ четыре заставы на Рейнѣ, 35 на Эльбѣ и 77 на Дунаѣ въ нижней Австріи [3]). По бассейну рѣки Майна, напр., были таможни епископовъ бамбергскаго и вюрцбургскаго и архіепископа майнцскаго; каждый изъ нихъ имѣлъ цѣлую массу заставъ, у которыхъ взималъ самые разнообразные сборы. Но, кромѣ того, въ этой же области устроили свои таможни князья Гогенло, графы Ринекъ и графы Вертгеймъ, Ганау, Фалькенштейнъ и Мюнценбергъ [4]). Таможенные сборы, взимавшіеся на одномъ только разстояніи между Бингеномъ и Кобленцемъ составляли въ половинѣ 14 вѣка отъ 53 до 67 проц. показанной стоимости товара [5]). Между тѣмъ дороги, на устройство и починку которыхъ, якобы, шли эти сборы, находились въ самомъ плачевномъ состояніи. Онѣ представляли собою либо вспаханное поле, либо просто луга, поросшіе травой. Каждый годъ приходилось заново протаптывать путь, причемъ пользоваться имъ можно было лишь лѣтомъ при хорошей погодѣ; зимой и въ дождливое время дорога

---

[1]) Stein. Lehrbuch der Finanzwissenschaft. 5. Aufl. Leipzig. 1886. T. II, Abt. 2. S. 378—379.

[2]) Wagner. Finanzwissenschaft T. II. Leipzig u. Heidelberg. 1880. S. 398—399.

[3]) Sommerlad. Das Verkehrswesen im deutschen Mittelalter. Handwört. d. Staatswiss. Suppl.—B. II. S. 943. Falke. Geschichte des deutschen Zollwesens. Leipzig. 1869. S. 66.

[4]) Falke. Geschichte des deutschen Zollwesens. Leipzig. 1869. S. 74—75.

[5]) Sommerlad. S. 943.

была непроходима [1]). О сооруженіи дорогъ никто и не думалъ, затратъ на это никакихъ не дѣлалось. Если же въ нѣкоторыхъ случаяхъ князья или епископы и предпринимали что-нибудь для улучшенія дорогъ, предписывая заполнить овраги камнями и устраивая гати въ болотистыхъ мѣстахъ, то для этой цѣли они взимали спеціальные сборы помимо обычныхъ, продолжавшихъ существовать попрежнему [2]). О мостахъ упоминается, правда, съ 13 вѣка, но появляются они лишь въ незначительномъ количествѣ и только тамъ, гдѣ нельзя было переходить рѣки вбродъ; мосты эти были исключительно деревянные—каменные строятся впервые въ 16 вѣкѣ—и часто повозка по нимъ вовсе проѣхать не могла; когда же мостъ портился, то о починкѣ его или сооруженіи новаго рѣдко кто думалъ, такъ что и въ этомъ отношеніи почти никакихъ издержекъ быть не могло [3]). Конвой, далѣе, былъ обыкновенно чисто номинальный: проѣзжающій обязанъ былъ уплатить за проѣздную грамоту, конвоя же никакого не получалъ, а защищалъ себя собственными средствами, какъ могъ [4]). О безопасности пути князь или епископъ, въ пользу котораго шли конвойныя деньги, вовсе не заботился, его же люди часто нападали на плательщика сборовъ и грабили его. Въ средніе вѣка нападенія разбойничьихъ шаекъ на проѣзжающихъ составляютъ обычное явленіе [5]), несмотря на то, что вездѣ и повсюду платилось за конвой въ пользу лица, черезъ владѣнія котораго пролегала дорога или рѣка. Поэтому то еще при императорахъ изъ саксонской или франконской династіи города всячески добивались освобожденія ихъ отъ обязанности уплачивать конвойныя деньги, и освобожденіе Оттономъ II венеціанцевъ отъ платежа этихъ сборовъ на протяженіи всей имперіи считалось важной привилегіей [6]). Съ удивленіемъ смотрѣли на князей, которые считали своею обязанностью за конвойный сборъ вознаграждать купцовъ въ случаѣ ограбленія ихъ въ предѣлахъ ихъ владѣній—подобное отношеніе къ дѣлу встрѣчалось лишь въ видѣ исключенія [7]).

Нельзя не указать на то, что еще капитулярій Карла Великаго запрещаетъ брать съ проѣзжающихъ, когда послѣднимъ никакихъ

---

[1]) Huber. Wege. Handwört. d. Staatswiss. B. VII. S. Derselbe. Die gesch. Entwick. d. modern. Verkehrs. Tübingen. 1893. S. 218 ff.

[2]) Sommerlad. S. 941. Goetz. Verkehrswege im Dienste des Welthandels. Stuttgart. 1888. Falke S. 128.

[3]) Huber. Handwört. B. VII. Goetz. 548. Falke passim.

[4]) Sommerlad. S. 944. Goetz. S. 548. Falke passim.

[5]) См. напр. Schulte, Der mittelalterliche Handel und Verkehr zwischen Westdeutschland und Italien. Leipzig. 1900. passim.

[6]) Roscher. Finanzwissenschaft. 5 Aufl. Stuttgart. 1901. T. I. S. 119.

[7]) Ibid. § 21. Anm. 9.

услугъ не оказывается [1]). На имперскихъ сеймахъ неоднократно дѣлаются постановленія о томъ, чтобы на счетъ таможенныхъ сборовъ содержались дороги и мосты и охранялись проѣзжающіе отъ нападенія разбойниковъ. Такъ, на имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ 1235 года постановлено: власти, взимающія таможенные сборы на сушѣ или на водѣ обязаны заботиться объ улучшеніи мостовъ и дорогъ, защищать и охранять проѣзжающихъ на дорогахъ и рѣкахъ, чтобы тѣ не терпѣли ущерба въ предѣлахъ ихъ владѣній [2]). Такое же требованіе о сооруженіи мостовъ и дорогъ и охраны путешествующихъ повторяется въ постановленіяхъ императора Рудольфа I 1276, 1281 и 1287 годовъ [3]), а на помѣстныхъ соборахъ въ Монпелье 1214 года и въ Тулузѣ 1229 г. власти, пользующіяся доходомъ съ таможенъ, обязываются поддерживать безопасность на дорогахъ, гдѣ устроены таможни [4]). На имперскомъ сеймѣ 1430 года вновь подтверждается обязанность постройки мостовъ на рѣкахъ и прокладыванія дорогъ черезъ горы [5]). Но эти постоянно повторяющіяся постановленія указываютъ именно на то, что они никакого практическаго вліянія не оказывали: дороги и мосты не улучшались, и безопасность сообщенія на нихъ не увеличивалась и впослѣдствіи.

Кромѣ упомянутыхъ видовъ таможенныхъ сборовъ, которые вызывались, якобы, затратами въ пользу проѣзжающихъ, существовалъ еще цѣлый рядъ другихъ, въ пользу которыхъ нельзя было привести даже подобныхъ призрачныхъ оправданій. Такъ, напр., платилось cespitaticum за поврежденіе травы и мха у дороги колесами повозки, платили за это и пристававшія къ берегу суда; pontaticum взималось не только за проѣздъ по мосту, но и за проходъ судна подъ мостомъ; ripaticum и съ пристававшихъ кораблей и съ тѣхъ, которые проходили по рѣкѣ; pastio и cospaticum за траву, которую съѣдала лошадь и за плоды, сорванные проѣзжающимъ [6]).

Всѣ эти поборы и многіе другіе во многихъ случаяхъ не имѣли пошлиннаго характера по той простой причинѣ, что рѣшительно никакихъ услугъ никому оказываться не могло и тѣ дѣйствія, за которыя они взимались, не вызывали никакихъ издержекъ. Поэтому Кламажеранъ, указывая на то, что таможенные сборы первоначально являлись какъ бы уплатой за спеціальныя услуги и предназначались на покрытіе издержекъ для поддержанія сообщеній, прибавляетъ:

---

[1]) Braunholtz. Das deutsche Reichszollwesen während der Regierung der Hohenstaufen und des Interregnums. Berlin. 1890. S. 3.

[2]) Falke. S. 34.

[3]) Falke. S. 38.

[4]) Clamageran. T. I, p. 290.

[5]) Falke. S. 54.

[6]) Falke S. 14—17. Hüllmann. S. 223—232.

„однако, въ дѣйствительности, эти услуги являлись обыкновенно лишь поводомъ, удовлетворяя алчнымъ инстинктамъ феодальной аристократіи, являясь новой формой грабежа, грабежа постояннаго, правильно организованнаго [1])“.

Сущность этихъ сборовъ вполнѣ правильно опредѣлилъ одинъ изъ старѣйшихъ финансистовъ Гюльманъ, признавая первоначальные таможенные сборы платой за дозволеніе проѣзжать черезъ чужія владѣнія или сбывать тамъ свои товары [2]). Такой характеръ поборовъ, не основанныхъ ни на какихъ услугахъ въ пользу проѣзжающихъ, таможенные сборы имѣли съ самаго начала, а не только съ десятаго вѣка, какъ полагаетъ Зоммерладъ, утверждающій, что они до того времени основывались на пошлинномъ принципѣ [3]). Несомнѣнно, что верховная власть какъ до десятаго вѣка, такъ и впослѣдствіи принципіально отвергала подобные сборы. Это видно изъ капитулярій, относящихся къ началу девятаго вѣка: въ капитуляріи 805 года называются незаконными сборы, взимаемые съ судовъ, проходящихъ подъ мостомъ или останавливаемыхъ при проходѣ по рѣкѣ путемъ протянутыхъ поперекъ рѣки канатовъ; въ капитуляріи 809 года запрещается понуждать кого-либо ради полученія таможеннаго дохода ѣхать по мосту, когда можно переправиться и вбродъ, или требовать уплаты при переѣздѣ черезъ мостъ, устроенный на полѣ, гдѣ вовсе нѣтъ воды. Въ капитуляріи 817 г. вновь идетъ рѣчь о мѣрахъ, предпринимаемыхъ для принужденія проѣзжающихъ ѣхать черезъ мостъ, а не вбродъ, и о взиманіи платы при проѣздѣ судовъ по рѣкѣ. Въ капитуляріи 820 г. читаемъ вновь о поборахъ при проѣздѣ подъ мостомъ, по лѣсу, при приставаніи судовъ къ берегу; тамъ же говорится, что pastio и cocnaticum не должны взиматься огульно со всѣхъ, а лишь въ томъ случаѣ, если проѣзжающій пользуется травой или деревьями, или чѣмъ-либо другимъ на полѣ или въ лѣсу; тогда онъ долженъ платить за это владѣльцу по обоюдному соглашенію [4]). Ясно, что уже въ началѣ девятаго вѣка таможенные сборы имѣли характеръ насильственныхъ поборовъ, и неоднократныя постановленія императоровъ, съ цѣлью отмѣнить ихъ, не приводили ни къ чему. Относительно еще болѣе ранняго времени обстоятельныхъ данныхъ, къ сожалѣнію, не сохранилось, но еще въ эдиктѣ Хлотара II 614 г. запрещается взимать таможенные сборы на заставахъ, кромѣ тѣхъ, которые существуютъ со

---

[1]) Clamageran. I. 161.

[2]) Hüllmann. Deutsche Finanz-Geschichte des Mittelalters. Berlin. 1805. S. 222.

[3]) Sommerlad. Das Verkehrswesen im Mittelalter. Handwört. der Staatswiss. Suppl.—B. II. S. 942—943.

[4]) Falke. S. 20—21.

времени его предковъ Гунтрама, Хильпериха и Сигберта. Это первое изъ тѣхъ многочисленныхъ, но совершенно безплодныхъ постановленій объ обычныхъ, издревле существующихъ таможенныхъ сборахъ, которыя впослѣдствіи повторяются черезъ каждыя нѣсколько лѣтъ, съ цѣлью устранить всѣ вновь возникшія, безъ разрѣшенія императора устроенныя, таможни.

Расходованіе таможенныхъ доходовъ на улучшеніе дорогъ и для достиженія большаго удобства сообщеній было къ тому же совершенно невозможно, ибо взиманіе таможенныхъ сборовъ покоилось всецѣло именно на тѣхъ препятствіяхъ, которыя проѣзжающій встрѣчалъ на своемъ пути, и чѣмъ болѣе многочисленны и сложны были эти препятствія, тѣмъ больше таможенъ можно было устроить, и тѣмъ легче было взиманіе сборовъ. Мы указывали уже на тексты капитуляріевъ, изъ которыхъ видно, что препятствія ради полученія поборовъ создавались совершенно искусственно: протягивались канаты поперекъ рѣки [1]), строились мосты на сушѣ, не допускался проѣздъ черезъ рѣку вбродъ. Многочисленныя данныя имѣются также о томъ, какъ князья и епископы зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы устроенныя ими таможни не объѣзжались, всячески препятствуя проѣзжающимъ избирать новую болѣе прямую или болѣе удобную для ѣзды дорогу, усматривая въ такихъ попыткахъ беззаконное дѣйствіе, заключая союзы для обезпеченія своихъ таможенныхъ доходовъ [2]).

Приведенныя выше опредѣленія Кламажерана и Гюллльмана могутъ быть примирены исторически, т. е. дѣйствительнымъ ходомъ возникновенія и развитія таможенныхъ пошлинъ. Владѣлецъ замка первоначально грабилъ проѣзжающихъ торговцевъ и создавалъ съ этой цѣлью всевозможныя препятствія, которыя облегчали бы ему нападеніе. Онъ строилъ заставы и башни, протягивалъ канаты черезъ рѣку, останавливая суда, загораживалъ поле срубленными деревьями, устраивая нѣчто вродѣ моста, всячески портилъ окольные пути, дѣлая проѣздъ по нимъ невозможнымъ. Изъ этого грабежа и возникли таможенные сборы. Съ теченіемъ времени нападенія въ извѣстныхъ, наиболѣе удобныхъ для этого мѣстахъ, превратились въ нѣчто обычное, постоянное. Вмѣсто отнятія при нападеніи всего имущества, принадлежащаго обозу, мало по малу установилась болѣе или менѣе опредѣленная норма; проѣзжающій уже не сопротивлялся, а покорялся неизбѣжному, уплачивая положенное.

И впослѣдствіи феодалы часто не довольствовались установленными сборами, т. е. частью провозимыхъ товаровъ (платилось натурой), а отнимали у торговца весь его товаръ. Такъ, на сеймѣ въ Вормсѣ въ 1157 г. императору Фридриху I жаловались купцы, что

[1]) То же самое продѣлывалось и въ 13 и 14 вѣкахъ. Falke. S. 67.

[2]) Huber. S. 219. Clamageran. T. I.

на Майнѣ отъ Бамберга до его истоковъ съ нихъ не только взимаются многочисленные и незаконные поборы на таможняхъ, но что ихъ часто подвергаютъ совершенному разграбленію [1]). Въ 1254 году Майнцъ и другіе прирейнскіе города осадили и разрушили замокъ Ингельгеймъ Вернера фонъ-Боланда, который устроилъ массу новыхъ заставъ и грабилъ проѣзжающихъ купцовъ. Графы Ортенбургъ и Шаумбургъ въ 1332 году преградили проѣздъ по Дунаю и захватили судно, принадлежавшее регенсбургскимъ купцамъ. Городъ Регенсбургъ требовалъ возврата награбленнаго, и графы должны были дать обѣщаніе уплатить 500 марокъ [2]). На архіепископа Майнцскаго раздаются въ XIV вѣкѣ постоянныя жалобы, что, несмотря на данный имъ обѣтъ хранить миръ, онъ взимаетъ поборы съ проѣзжающихъ купцовъ, грабитъ ихъ и захватываетъ въ плѣнъ [3]). Изъ грабежей, совершаемыхъ вмѣсто взиманія таможенныхъ сборовъ или въ связи съ ними, видно лучше всего,. что эти сборы возникли изъ грабежа и лишь постепенно замѣнили его. Отсюда и возникло впослѣдствіи общее правило, что имущество проѣзжающаго, отказывающагося уплатить причитающіеся съ него сборы, подвергается конфискаціи.

Совершался переходъ отъ грабежа къ взиманію опредѣленныхъ сборовъ очень медленно. Еще въ XV вѣкѣ строились замки на дорогахъ и по берегамъ рѣкъ, съ цѣлью насильственнаго взиманія сборовъ съ проѣзжающихъ. Въ 1443 г. маркграфы Бранденбургскіе заключили союзъ съ герцогами Брауншвейгъ-Люнебургскими, съ цѣлью устройства замка на рѣкѣ Ильменау, рядомъ съ таможней, и совмѣстной защиты замка и таможни при нападеніяхъ. Очевидно, у таможенъ происходили цѣлыя битвы, во время которыхъ нападавшіе князья и рыцари укрывались въ построенныхъ ими замкахъ и крѣпостяхъ. Въ 1466 году подобныя же башни построилъ графъ Тирштейнскій, съ цѣлью взиманія таможенныхъ сборовъ. Но въ этомъ случаѣ жители города Базеля воспротивились устройству новой таможни, и когда графъ отказался исполнить ихъ требованіе объ уничтоженіи ея, они двинули войско противъ него и сожгли построенныя имъ укрѣпленія, такъ что взиманіе сбора должно было прекратиться [4]).

Разсмотрѣнные нами сборы, которые можно было бы называть и транзитными, продолжаютъ существовать и впослѣдствіи, въ 16, 17 вѣкахъ, не измѣняя своего первоначальнаго чисто фискальнаго характера. И только въ 18 вѣкѣ они постепенно прекращаются. На этотъ послѣдній фазисъ ихъ развитія мы укажемъ ниже, теперь же обратимся къ разсмотрѣнію происхожденія и развитія остальныхъ

[1]) Falke. S. 31.
[2]) Falke. S. 73.
[3]) Ibid. S. 46.
[4]) Falke. S. 120.

двухъ видовъ таможенныхъ сборовъ—«пошлинъ» на ввозъ и на вывозъ товаровъ въ городахъ и территоріяхъ.

II.

«Протекціонныхъ таможенныхъ пошлинъ мы въ средневѣковыхъ городахъ обыкновенно не находимъ—говоритъ Инама-Штернеггъ,—придерживаясь господствующаго взгляда, по которому промышленный протекціонизмъ есть продуктъ меркантильной политики 17—18 вѣковъ, тогда какъ въ средневѣковую эпоху ввозныхъ пошлинъ на промышленныя издѣлія не существуетъ. Но тутъ же онъ прибавляетъ: однако, въ городскихъ статутахъ, въ рѣшеніяхъ городскихъ ратушъ и статутахъ цеховъ содержится цѣлая масса постановленій, которыми ввозъ извѣстныхъ промышленныхъ издѣлій или вовсе воспрещается, или, по крайней мѣрѣ, въ опредѣленное время, съ цѣлью облегчить мѣстной промышленности сбытъ на городскомъ рынкѣ [1])». Инама-Штернеггъ не замѣчаетъ, что эта фраза находится въ прямомъ противорѣчіи съ первой, въ которой онъ хочетъ сказать, что средневѣковый городъ не придерживался протекціонной политики. Въ дѣйствительности, какъ онъ самъ же признаетъ, протекціонизмъ по отношенію къ продуктамъ промышленности находится въ эту эпоху въ полномъ расцвѣтѣ, принимая высшую свою форму, форму запрещенія ввоза товаровъ въ городъ.

Дѣло въ томъ, что въ средніе вѣка городскіе цехи защищали себя какъ отъ внутренней, такъ и отъ внѣшней конкурренціи. Въ первомъ отношеніи всякому, не принадлежащему къ членамъ цеха, запрещалось заниматься производствомъ товаровъ, и кругъ дѣятельности каждаго цеха строго отграничивался отъ смежныхъ отраслей промышленности для того, чтобы монополія цеха въ данной области никѣмъ не нарушалась. Что же касается внѣшней конкурренціи, то, по общему правилу, она устранялась вовсе запрещеніемъ ввоза въ городъ тѣхъ родовъ товаровъ, которые производились мѣстными цехами. «Въ средніе вѣка—говоритъ Laves—господствуетъ принципъ, что товары должны производиться въ самомъ городѣ, а не ввозиться изъ другихъ мѣстъ; поэтому ввозъ промышленныхъ издѣлій всячески стѣсняется путемъ ввозныхъ пошлинъ, запрещеній ввоза и продажи ихъ въ городѣ. Только предметы роскоши, составлявшіе спеціальность нѣкоторыхъ мѣстностей, допускались къ ввозу [2])». Такъ, въ статутѣ свѣчного цеха въ Кельнѣ, относящемся къ 14 вѣку, говорится: никто не можетъ ввозить въ Кельнъ, съ цѣлью продажи, ста-

---

[1]) Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. B. III. T. 2. Leipzig. 1901. S. 246—47.

[2]) Laves. Ausfuhrzölle und Ausfuhrverbote. Handwört. der Staatswiss. 1 Aufl. B. I. S. 971.

рыхъ или новыхъ издѣлій, произведенныхъ внѣ города [1]). Въ статутѣ сапожнаго цеха города Перлеберга 1239 г. читаемъ: никто изъ иногородныхъ не можетъ продавать въ Перлебергѣ сапоги или выставлять ихъ на продажу [2]). Въ Любекѣ канатный цехъ запрещаетъ ввозъ канатовъ въ городъ, цехъ скорняковъ ввозъ и продажу производимыхъ имъ товаровъ [3]). При этомъ не только въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ думаетъ Лексисъ [4]), но повсюду это запрещеніе ввоза произведенныхъ внѣ города товаровъ относится не только къ иногороднымъ жителямъ, но и къ горожанамъ, распространяясь какъ на цеховыхъ мастеровъ, такъ и на торговцевъ въ розницу и на прочихъ жителей. Въ Любекѣ, въ Данцигѣ, въ Люнебургѣ, во Франкфуртѣ на Майнѣ и въ другихъ городахъ существуютъ спеціальныя постановленія, которыми мѣстнымъ жителямъ воспрещается ввозъ промышленныхъ издѣлій. Въ Пармѣ, по постановленію 1211 года, всѣ ввозимыя въ городъ шерстяныя издѣлія и сукна отбирались магистратомъ (подеста) и сжигались. Во Флоренціи также былъ запрещенъ ввозъ сукна. Въ Венеціи въ 15 вѣкѣ существовалъ цѣлый рядъ запрещеній ввоза произведенныхъ внѣ города промышленныхъ издѣлій (напр., ввозъ стеклянныхъ и шелковыхъ товаровъ) [5]). Точно также и французскіе города придерживались запретительной системы. Въ Парижѣ и Руанѣ было запрещено иногороднымъ ввозить вино; сукно и хлѣбъ можно было ввозить лишь по субботамъ [6]).

Поскольку же дозволялось ввозить товары, произведенные внѣ города, это разрѣшеніе распространялось только на извѣстное время, главнымъ образомъ, на ярмарочные дни и на продажу товаровъ оптомъ, но не въ розницу [7]). Кромѣ того, ввезенные въ городъ товары облагались ввозными пошлинами. Такъ, въ Гамбургѣ (статутъ 1458 года) изготовленныя внѣ города токарныя издѣлія могутъ продаваться во всякое время лишь оптомъ, въ розницу же только три дня въ году [8]). Въ Констанцѣ въ 1414 году постановлено, что ввезенныя сукна могутъ продаваться въ розницу лишь во время ярмарки; по окончаніи же ея они должны быть немедленно связаны въ тюки и увезены. При этомъ пошлина при ввозѣ въ городъ должна быть уплачена за весь привезенный товаръ, независимо отъ того, будетъ ли онъ впослѣдствіи

[1]) Neuburg. Zunftgerichtsbarkeit und Zunftverfassung. Jena 1880.

[2]) Neuburg. Ibid.

[3]) Wehrmann. Die älteren Lübeckischen Zunftrollen. S. 106 и сл.

[4]) Lexis. Einfuhrverbote.

[5]) Lexis. Einfuhrverbote. Handwört. d. Staatswiss. B. III. Roscher. Nationaloekonomik. III. S. 847.

[6]) Levasseur. Histoire des classes ouvrières. T. I, p. 256.

[7]) Neuburg. S. 112 и слѣд.

[8]) Rüdiger. Die ältesten Hamburgischen Zunftrollen. 1875. № 11.

проданъ цѣликомъ или только часть его [1]). Въ Любекѣ ввозимыя издѣлія, поскольку ввозъ ихъ не запрещенъ вовсе, не только продаются исключительно оптомъ и въ опредѣленныхъ мѣстахъ (шляпы, сукно, мечи, пояса), но подлежатъ еще осмотру со стороны цеховыхъ старшинъ, которые имѣютъ право уничтожать признанные негодными товары и даже оставлять въ свою пользу часть штрафныхъ денегъ [2]). Такой же надзоръ, приводившій къ почти полному запрещенію ввоза, находимъ въ Парижѣ, гдѣ также ввозимые товары подвергаются осмотру въ отношеніи ихъ качества представителями цеха, заинтересованными въ устраненіи иногородной конкурренціи [3]). И въ Англіи иногородные ограничены относительно времени и мѣста сбыта товаровъ, и право осмотра ввозимыхъ товаровъ принадлежитъ «старшинамъ и приставамъ всѣхъ ремеслъ и мастерствъ во всѣхъ сити, мѣстечкахъ, городахъ и селеніяхъ, гдѣ занимаются такими ремеслами и мастерствами» [4]).

Въ Парижѣ уже въ 12 вѣкѣ значительно развиты рыночные сборы и сборы на ввозимые въ городъ товары, независимо отъ того, иностраннаго ли происхожденія этотъ товаръ, или онъ произведенъ въ другомъ французскомъ городѣ. Облагались шелковыя издѣлія, полотняныя, бумажныя, сукно и мѣха [5]). Такія же ввозныя пошлины (octroi) существовали въ средніе вѣка и въ другихъ французскихъ, какъ и въ итальянскихъ городахъ, гдѣ также облагались не только пищевые продукты, но и промышленныя издѣлія. Въ статутахъ германскихъ городовъ спеціально указывается на то, что ввознымъ пошлинамъ подлежатъ товары не только иногородныхъ, но и горожанъ; только привозимые мѣстными жителями товары для собственнаго потребленія освобождаются отъ привратныхъ сборовъ, со всѣхъ остальныхъ, предназначенныхъ для сбыта, пошлина обязательно уплачивается и горожанами [6]), подобно тому, какъ и запрещенія ввоза, какъ мы видѣли выше, распространялись и на горожанъ. Обращается вниманіе, слѣдовательно, не на лицо, ввозящее товаръ, а на то, является ли онъ предметомъ сбыта въ городѣ и можетъ ли онъ конкуррировать съ мѣстной промышленностью.

Такимъ образомъ, и привратные и рыночные сборы, такъ же какъ и транзитные сборы, не имѣли пошлиннаго характера. Сборы

[1]) Gothein. Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes. B. I. Strassburg. 1891. S. 532.

[2]) Wehrmann. S. 106.

[3]) Levasseur. I, p. 257.

[4]) Эшли. Экономическая исторія Англіи. Пер. Муравьева. Москва. 1897, стр. 262 и слѣд.

[5]) Lexis. Einfuhrzölle, Clamageran. I, 351. Saint-Julien et Bienaymé. Les droits d'entrée et d'octroi à Paris. 1886.

[6]) Falke. S. 126. Inama-Sternegg. III. 2. S. 246 и сл.

же за право пользованія лавками и амбарами на рынкѣ, за складку и взвѣшиваніе товаровъ взимались особо, являясь дѣйствительно пошлиною, уплатой за спеціальныя услуги, оказываемыя торговцу. Они обыкновенно уплачивались какъ иногородными, такъ и мѣстными жителями, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ горожане освобождались отъ платежа [1]). Привратные (октруа) и рыночные сборы не имѣли, однако, и фискальнаго характера, подобно проѣзжимъ сборамъ, а были орудіемъ протекціонной политики вмѣстѣ съ полными запрещеніями ввоза, замѣной которыхъ они являлись, политики, которая преслѣдовала цѣль предоставить городской рынокъ всецѣло мѣстнымъ производителямъ, превращая городъ въ самодовлѣющую, не стоящую ни въ какой связи съ прочими городами хозяйственную единицу, почему ввозъ произведенныхъ въ другихъ городахъ товаровъ либо вовсе запрещался, либо обставлялся такими многочисленными и сложными ограниченіями, что становился фактически почти невозможнымъ, и не могъ нанести ущерба мѣстной промышленности.

Такимъ образомъ, господствующее мнѣніе о томъ, что покровительственная политика вообще и протекціонные тарифы въ частности возникаютъ впервые въ 17 — 18 вѣкахъ, противорѣчитъ имѣющимся фактическимъ даннымъ. Объясняется этотъ взглядъ тѣмъ, что обращаютъ вниманіе лишь на таможенную политику крупныхъ политическихъ единицъ, которыхъ въ средніе вѣка и быть вовсе не могло: экономическую и финансовую политику могли вести только отдѣльныя части государства, каковыми являлись города, представлявшіе собою самостоятельныя единицы; ихъ таможенная политика и есть то ядро, изъ котораго впослѣдствіи развилась таможенная политика государствъ, когда эти города вошли въ составъ болѣе крупныхъ территоріальныхъ союзовъ. Сравнивая же политику средневѣковыхъ городовъ съ таможенной системой государствъ 16—18 вѣковъ, мы должны придти къ тому выводу, что протекціонизмъ 17 и 18 вѣковъ не есть что-либо новое, противоположное предшествующему періоду, какъ это утверждаютъ, а лишь продолженіе протекціонной политики среднихъ вѣковъ, съ той только разницей, что покровительство оказывается не мѣстной городской промышленности, а всей промышленности государства, города же внутри страны свободно конкуррируютъ между собою. Съ этимъ выводомъ вполнѣ совпадаетъ мнѣніе Шмоллера. „Политика 17—18 ст., съ ея регламентаціей ввоза и вывоза, національнаго судоходства и колоніальной торговли— говоритъ онъ,—возникла вовсе не потому, что при Кромвелѣ и Кольберѣ вдругъ появились деньги, и возникло денежное хозяйство, или

[1]) Vocke, Geschichte der Steuern des britischen Reiches. Leipzig. 1866. S. 85. Falke. 142 u. passim. Inama-Sternegg. III. 2. S. 242.

промышленность и торговля пріобрѣла другое значеніе, а лишь по той причинѣ, что изъ прежнихъ мелкихъ хозяйственныхъ единицъ выросли крупныя національныя, которыя стали подражать вовсе не политикѣ Карла V въ Испаніи, а той политикѣ, которой придерживались въ прежнія времена всѣ города и мѣстности, начиная отъ Тира и Сидона, отъ Аѳинъ и Карѳагена, переходя къ Пизѣ и Генуѣ, Флоренціи и Венеціи и ганзейскимъ городамъ,—перенося лишь эту политику на болѣе широкую почву цѣлыхъ государствъ и націй [1])". Переходъ отъ городской таможенной политики къ государственной совершается не сразу, а лишь мало по малу, по мѣрѣ уничтоженія пошлинъ, взимаемыхъ при ввозѣ въ городъ или въ данную мѣстность, и перенесенія таможенной черты на границу страны. Одновременно съ этимъ отмѣняются и транзитныя пошлины. Хотя взиманіе дорожныхъ, мостовыхъ, рѣчныхъ и др. сборовъ и производилось исключительно изъ фискальныхъ соображеній, но въ силу того, что эти сборы стѣсняли торговыя сношенія и обмѣнъ продуктовъ между различными частями страны, они необходимо должны были покровительствовать мѣстной промышленности; уничтоженіе ихъ, слѣдовательно, такъ же какъ и устраненіе пошлинъ при ввозѣ въ городъ, должно было усилить конкурренцію внутри страны.

Ранѣе всего мѣстная таможенная политика замѣняется государственной въ Англіи. Здѣсь уже въ 13 столѣтіи появляются интермуниципальные торговые договоры (Винчестеръ и Саузэмптонъ), въ силу которыхъ граждане одного города, пріѣзжая съ торговыми цѣлями въ другой городъ, освобождаются отъ уплаты пошлинъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ эти договоры становятся чаще [2]) (Сольсбери и Саузэмптонъ въ 14 ст., Ноттингэмъ, Ковентри и Линкольнъ, Кэмбриджъ и Нортэнптонъ въ 15 ст.), тѣмъ болѣе устанавливается свобода обмѣна внутри государства, уменьшается протекціонная политика городовъ. И одновременно съ этимъ возникаетъ и развивается протекціонная политика государства, какъ цѣлаго, по отношенію къ промышленности другихъ странъ; англійская промышленность постепенно все болѣе и болѣе получаетъ возможность сбывать свои продукты внутри всего государства, и лишь для иностранныхъ товаровъ, подвергавшихся ранѣе ограниченіямъ наравнѣ съ англійскими, произведенными въ другомъ городѣ, эти ограниченія сохраняются путемъ установленія запрещеній ввоза въ Англію. Во второй половинѣ тринадцатаго вѣка появляются первыя соглашенія между городами, съ цѣлью облегченія ввоза товаровъ, и въ той же второй половинѣ 13 вѣка издается пер-

[1]) Schmoller. Umrisse und Untersuchungen zur Verfassungs-Verwaltungs- und Wirtschafts-geschichte besonders des Preussischen Staates im 17 und 18 Jahrh. Leipzig. 1898. S. 44.

[2]) Эшли, стр. 299, 321.

вое запрещеніе ввоза издѣлій иностранной промышленности, именно, иностраннаго сукна. Въ 14 вѣкѣ это запрещеніе повторяется (1338 г.), затѣмъ временно замѣняется ввозными пошлинами и снова возобновляется въ 1399 г. [1])—ввозъ самаго главнаго и почти единственнаго продукта средневѣковой промышленности, игравшаго роль въ международной торговлѣ былъ, слѣдовательно, запрещенъ съ 13 вѣка, что давало возможность развиться англійской суконной промышленности, начавшей уже въ 14 вѣкѣ производить для вывоза, а затѣмъ и вытѣснять французскія, итальянскія и въ особенности нидерландскія сукна на міровомъ рынкѣ. Въ 14 же вѣкѣ (1355 г.) присоединяется запрещеніе ввоза желѣза [2]), въ половинѣ 15-го (1455 г.) запрещеніе ввоза шелковыхъ издѣлій [3]), а затѣмъ въ 1464 г. появляется запрещеніе ввоза цѣлой массы товаровъ, почти всѣхъ издѣлій промышленности [4]). Такимъ образомъ, мы находимъ въ Англіи уже въ 14 и 15 столѣтіи ясно выраженный таможенный протекціонизмъ, проводимый государствомъ, чего обыкновенно, однако, не признаютъ; находимъ тѣ самыя запрещенія ввоза, которыя ранѣе проводилъ каждый городъ въ отдѣльности, перенесенными на границу страны одновременно съ развитіемъ свободной конкурренціи внутри ея. Очевидно, что далѣе запрещеніе ввоза идти не могло, и послѣдующіе законы могли только либо подтверждать прежнія запрещенія, либо замѣнять ихъ болѣе или менѣе высокими пошлинами. И дѣйствительно, запрещеніе ввоза, установленное Эдуардомъ IV въ 1464 г. и относившееся къ большей части фабрикатовъ, было подтверждено Ричардомъ III въ 1484 г. и Елизаветой въ 1563 г.; въ 1660 г. эти запрещенія отчасти замѣняются высокими, почти запретительными пошлинами, которыя затѣмъ нѣсколько разъ мѣняются, а въ 1787 г. устраняется цѣлый рядъ запрещеній на ввозъ промышленныхъ издѣлій и понижаются ввозныя пошлины на другія. Если только съ этихъ поръ и начинается уничтоженіе покровительственныхъ пошлинъ, то, во всякомъ случаѣ, о возрастаніи ихъ съ конца 17-го вѣка, какъ полагаетъ Шмоллеръ, не можетъ быть и рѣчи. Противопоставляя тарифу 1695 года, въ которомъ пошлины установлены въ размѣрѣ 70—80 проц. съ цѣнности товара, 5-процентный сборъ, взимавшійся вътечсніе 17 вѣка, Шмоллеръ совершенно забываетъ о томъ, что этимъ послѣднимъ сборомъ облагались лишь нѣкоторые колоніальные продукты, но не промышленныя издѣлія. Ввозъ послѣднихъ былъ ранѣе вовсе запрещенъ, поскольку же

---

[1]) Lexis. Einfuhrwerbote. Handwört. d. Staatswiss. B. III. Roscher. Nationaloekonomik des Handels u. Gewerbefleisses. 7 Aufl. Leipzig. 1899. S. 848.

[2]) Ochenkowski. Englands wirtschaftliche Entwickelung im Ausgange des Mittelalters. Jena. 1879. S. 244.

[3]) Lexis. Einfuhrverbote.

[4]) Lexis. Einfuhrverbote. Ochenkowski. S. 245.

запрещенія вновь появляются въ 18 вѣкѣ, они либо имѣютъ временный характеръ, либо относятся къ товарамъ, производство которыхъ въ Англіи впервые вводится въ это время подъ вліяніемъ переселяющихся туда гугенотовъ. Наконецъ, не надо забывать и того, что въ 18 вѣкѣ, т. е. именно въ томъ вѣкѣ, къ которому обыкновенно относятъ расцвѣтъ таможеннаго протекціонизма въ Англіи (по отношенію къ промышленнымъ издѣліямъ), образовался таможенный союзъ между Англіей и Шотландіей (1707 г.), т. е. внутренняя конкурренція въ Соединенномъ Королевствѣ усилилась.

Во Франціи превращеніе городского и мѣстнаго протекціонизма въ государственный относится къ болѣе позднему времени и переходная эпоха продолжается гораздо дольше, чѣмъ въ Англіи; но связь между расширеніемъ сбыта товаровъ внутри страны, съ одной стороны, и перенесеніемъ таможенъ на границу государства здѣсь не менѣе ясна, чѣмъ тамъ: и во Франціи оба эти движенія идутъ рука объ руку. Договоры между французскими городами ради облегченія ввоза товаровъ относятся къ 15 вѣку [1]); въ томъ же вѣкѣ Людовикъ XI отказывается отъ ввозныхъ пошлинъ на пищевые продукты и издѣлія промышленности, ввозимые въ городъ, поскольку эти сборы идутъ въ его пользу. Въ 1465 году онъ уничтожаетъ эти сборы, за нѣкоторыми исключеніями, въ Парижѣ, а затѣмъ распространяетъ эту мѣру и на всѣ другіе города, кромѣ тѣхъ, которые находятся въ Нормандіи [2]). Параллельно съ этимъ устанавливаются запрещенія ввоза иностранныхъ товаровъ — суконъ англійскихъ, нормандскихъ и бордосскихъ въ 1443 г. [3]) и остъ-индскаго шелка (ок. 1470 г.) [4]), въ 16 вѣкѣ (особенно тарифъ 1582 г.) съ большинства фабрикатовъ взимается ввозная пошлина [5]). Запрещеній ввоза на другіе товары, кромѣ англійскаго сукна и нѣкоторыхъ сортовъ шелка, мы еще не находимъ, ибо, съ одной стороны, многихъ фабрикатовъ, на которые впослѣдствіи распространяется запрещеніе ввоза, еще не производилось во Франціи, какъ, напр., зеркалъ и кружева, нѣкоторыхъ сортовъ бумажныхъ тканей, и др., а, съ другой стороны, Франція хотя и вступила уже въ 15 вѣкѣ на путь объединенія провинцій и городовъ въ экономическомъ и финансовомъ отношеніи, но все же сдѣлано было въ этомъ направленіи еще далеко не все. Въ концѣ среднихъ вѣковъ были, правда, уменьшены ввозныя пошлины во многихъ городахъ, послѣдствіемъ чего явилось неслыханное дотолѣ оживленіе въ торговлѣ

---

[1]) Levasseur, I. p. 552—553.
[2]) Clamageran. T. II p. 27.
[3]) Ibid. II p. 16.
[4]) Levasseur. I p. 552.
[5]) Clamageran. II p. 234.

фабрикатами между различными городами [1]), и отдѣльныя провинціи болѣе или менѣе объединились въ три большія группы—provinces de cinq grosses fermes (сѣверная и средняя Франція), provinces réputées étrangères (южная Франція) и provinces d'étranger effectif,—отдѣлявшіяся другъ отъ друга цѣлымъ рядомъ таможенъ. Однако, и внутри этихъ территоріальныхъ группъ объединеніе въ таможенномъ отношеніи было далеко не полное, и лишь Кольберу удалось уничтожить большую часть мѣстныхъ таможенъ, существовавшихъ внутри cinq-grosses fermes. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кольберъ соединилъ всѣ многочисленные сборы, платившіеся при ввозѣ товаровъ въ cinq grosses fermes, въ одну общую пошлину, причемъ новый таможенный тарифъ 1664 года, который распространялся и на товары, ввозимые въ provinces reputées etrangères, оказался пониженнымъ сравнительно съ суммой сборовъ, уплачивавшихся раньше при ввозѣ въ отдѣльныя мѣстности [2]). Повышенный тарифъ 1667 года просуществовалъ недолго, ибо спустя нѣсколько лѣтъ вновь вернулись къ тарифу 1664 года [3]) и хотя въ 1669 г. и 1671 г. и присоединились запрещенія ввоза венеціанскихъ зеркалъ и кружевъ, а въ 1701 и 1742 гг. и цѣлый рядъ запрещеній, направленныхъ спеціально противъ ввоза англійскихъ товаровъ—одновременно съ этимъ въ 1724 г. уничтожено болѣе двухъ тысячъ рѣчныхъ и дорожныхъ таможенъ внутри страны [4]),—но все же запретительная система вполнѣ примѣняется лишь съ конца 18 вѣка, со времени объединенія страны въ одно цѣлое и перенесенія всѣхъ внутреннихъ таможенъ на границу страны. Въ 1790 г. Національное собраніе уничтожило всѣ еще сохранившіяся таможни между провинціями, всѣ рѣчные и дорожные сборы, а также всѣ октруа въ городахъ (которыя хотя и были возобновлены въ 19-мъ вѣкѣ, но лишь на пищевые продукты и напитки, на строительный и горючій матеріалъ, но не на фабрикаты), а въ 1791 году былъ введенъ новый, единый для всей Франціи, тарифъ, значительно повышенный и со многими запрещеніями ввоза [5]).

Въ 1522 году императоръ Карлъ V проектировалъ ввести общеимперскій таможенный тарифъ, которымъ оплачивались бы всѣ ввозимые (и вывозимые) въ имперію товары. Однако, проектъ не прошелъ на имперскомъ сеймѣ, ибо предположенный сборъ облагалъ не только горожанъ и крестьянъ, какъ всѣ существовавшіе сборы,

---

[1]) Levasseur. I. p. 552.

[2]) Clamageran. T. II, p. 643—648. Lexis. Schutzpolitik. Handwört. der Staatswiss. B. VI.

[3]) Levasseur. T. II p.

[4]) Brandt. Beiträge zur Geschichte der französischen Handelspolitik von Colbert bis zur Gegenwart, Leipzig. 1896. S. 40.

[5]) Ibid. S. 56.

но и епископовъ, князей, даже курфюрстовъ и императора, почему привилегированныя сословія и воспротивились введенію его [1]). Зато въ отдѣльныхъ крупныхъ территоріяхъ Германіи возникаютъ съ 15 и 16 вѣковъ мало по малу самостоятельныя таможенныя системы, противорѣчащія большею частью мѣстному протекціонизму, иногда же идущія рука объ руку съ политикой важнѣйшаго торговаго города въ государствѣ [2]). Переходъ отъ городской таможенной политики къ территоріальной совершается такимъ образомъ, что пошлины взимаются только одинъ разъ, при ввозѣ въ данную мѣстность, отъ послѣдующихъ же внутреннихъ сборовъ однороднаго характера (при ввозѣ въ городъ) товары освобождаются, хотя транзитныя пошлины еще долго сохраняются попрежнему. И по мѣрѣ уничтоженія внутреннихъ преградъ, прекращенія городского протекціонизма, развивается протекціонная политика цѣлыхъ государствъ, происходитъ объединеніе территорій въ одно цѣлое и въ таможенномъ отношеніи.

Въ развитіи австрійской протекціонной таможенной политики 17—18 ст. надо различать три періода. Съ 1616 года императоры стараются составить изъ своихъ австрійскихъ владѣній самостоятельную таможенную единицу, отдѣляя ихъ таможенной границей отъ другихъ частей имперіи и дѣлая попытки къ уничтоженію внутреннихъ пошлинъ въ австрійскихъ владѣніяхъ, такъ что товары, производимые въ Австріи, облагаются гораздо ниже, чѣмъ ввозимые изъ имперіи или изъ другихъ государствъ. Съ начала 18 вѣка, особенно съ 1713 г., пограничныя пошлины замѣняются запрещеніями ввоза, которыя, однако, относятся лишь къ отдѣльнымъ австрійскимъ землямъ, въ зависимости отъ того, какіе товары въ каждой изъ нихъ производятся [3]). Дѣлаются вновь попытки уничтоженія различныхъ дорожныхъ сборовъ и превращенія хотя бы каждой провинціи въ одно таможенное цѣлое, при ввозѣ въ которую товары облагались бы только одинъ разъ на границѣ. Въ дѣйствительности, однако, только нѣкоторыя земскія и частныя таможни были уничтожены [4]), такъ какъ очень трудно было заставить помѣстныхъ владѣльцевъ отказаться отъ взимаемыхъ ими проѣзжихъ и дорожныхъ сборовъ. Осуществить эту мысль удалось лишь при Маріи Терезіи, когда въ 1775 году вошелъ въ силу одинъ общій для всѣхъ германо-славянскихъ провинцій таможенный тарифъ, который затѣмъ былъ распро-

---

[1]) Falke. S. 60—62.

[2]) Lexis. Einfuhrzölle. Handwört. B. III.

[3]) Beer. Studien zur Geschichte der oesterreichischen Volkswirtschaft unter Maria Theresia. Wien 1894. S. 67, 71.

[4]) F. M. Mayer. Die Anfänge des Handels und der Industrie in Oesterreich Innsbruck. 1882. S. 90—97.

страненъ и на Галицію. Городскія, земскія и имперскія таможни между провинціями были отмѣнены, и для всей таможенной области установлены общія правила относительно ввоза, вывоза и транзита товаровъ, такъ что и запрещенія ввоза распространялись на всѣ включенныя въ тарифѣ провинціи. Венгрія попрежнему была отдѣлена таможенной границей, но соединена съ другими провинціями въ болѣе крупную таможенную область: таможенныя преграды, отдѣлявшія ее отъ Славоніи, Трансильваніи и Баната были отмѣнены въ 1777 году. Одновременно съ объединеніемъ частей страны господствовала запретительная система для иностранныхъ товаровъ, въ особенности при Маріи Терезіи и Іосифѣ II. Но отдѣльнымъ лицамъ выдавались паспорта на ввозъ извѣстнаго количества товаровъ, обыкновенно подъ условіемъ вывоза одинаковаго количества товаровъ, произведенныхъ внутри страны. Получить эти паспорта было довольно легко, причемъ обѣщанія вывоза равнаго количества продуктовъ обыкновенно не исполнялись; однимъ и тѣмъ же паспортомъ пользовались для ввоза нѣсколькихъ партій товаровъ, такъ что нерѣдко удавалось ввезти въ страну значительное количество произведеній иностраннаго происхожденія [1]).

Въ Пруссіи запрещенія ввоза произведенныхъ издѣлій устанавливаются въ концѣ XVI-го и въ XVII-мъ вѣкѣ. Въ 1581 году воспрещено употребленіе иностраннаго сукна, запрещеніе, которое въ послѣдующія десятилѣтія повторяется нѣсколько разъ [2]). Въ 1654 году къ нему присоединяется запрещеніе ввоза издѣлій изъ мѣди и олова, въ 1666 г.—желѣзныхъ товаровъ, въ 1658 г.—стекла [3]), т. е. уже въ половинѣ XVII-го вѣка ввозъ всѣхъ важнѣйшихъ продуктовъ промышленности былъ запрещенъ. Указанія на то, что таможенный протекціонизмъ въ Пруссіи относится къ XVIII-му вѣку неправильны, такимъ образомъ, поскольку рѣчь идетъ о продуктахъ промышленности обрабатывающей. Все то новое, что сдѣлано въ этомъ отношеніи въ XVIII-мъ вѣкѣ Фридрихомъ Великимъ заключается въ томъ, что онъ распространилъ запрещеніе ввоза на вновь созданныя имъ отрасли промышленности. Что же касается другихъ отраслей промышленности, то онъ подтвердилъ только запрещенія, господствовавшія при великомъ курфюрстѣ, о существованіи которыхъ обыкновенно забываютъ.

Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, эпоха протекціонизма XVII—XVIII вѣковъ оперируетъ попрежнему запрещеніями ввоза съ той только разницей, что эти запрещенія относятся теперь уже не къ городамъ, а къ цѣлымъ территоріямъ. Въ тѣ времена

---

[1]) Beer. S. 77—80.
[2]) Falke. S. 268.
[3]) Roscher. III. S. 851. Anm. 5.

не довольствовались протекціонными пошлинами, какъ въ XIX вѣкѣ, а требовали полнаго запрещенія ввоза, ибо не удовлетворялись извѣстной нормой прибыли, примѣнительно къ которой и могли бы быть вычислены ввозныя пошлины, а стремились къ полной монополіи на внутреннемъ рынкѣ. Такая монополія исключавшая какой бы то ни было ввозъ и продажу иностранныхъ товаровъ, хотя бы по самымъ высокимъ цѣнамъ, тѣмъ самымъ отдавала потребителя всецѣло въ руки производителя, имѣвшаго возможность устанавливать цѣну по своему усмотрѣнію, ибо ему нечего было опасаться иностранной конкурренціи. Изъ изложенныхъ фактовъ вытекаетъ, однако, и то, что какъ ни абсолютна была монополія производителя въ XVII—XVIII ст., вслѣдствіе запрещеній ввоза, она все-таки не можетъ сравниться съ тѣмъ, что происходило въ средніе вѣка, ибо при полномъ освобожденіи отъ внѣшней конкурренціи, промышленникъ во второмъ періодѣ вынужденъ былъ все-таки конкуррировать съ другими производителями: эта конкурренція, которой не существовало въ средневѣковомъ городѣ, создалась вслѣдствіе объединенія отдѣльныхъ провинцій и территорій и устраненія или, по крайней мѣрѣ, значительнаго уменьшенія таможенныхъ преградъ между ними.

Монополія промышленности въ XVII—XVIII вѣкахъ была еще и потому менѣе абсолютна, чѣмъ въ предыдущій періодъ, что таможенная защита, очень сильная на бумагѣ, была значительно слабѣе на практикѣ; она часто не достигала своей цѣли, ибо преграды, которыя ставились ввозу товаровъ, обходились безъ большихъ затрудненій. И въ средніе вѣка товары нерѣдко проникали въ городъ контрабаднымъ путемъ, но тогда контрабанда не могла производиться въ столь обширныхъ размѣрахъ, какъ въ XVII—XVIII вѣкахъ, когда городскія таможни замѣнены были территоріальными.

Въ средніе вѣка приходилось контролировать товары при ввозѣ ихъ въ городъ, въ XVII—XVIII ст. контроль производился ври ввозѣ въ страну, но пограничная черта была нерѣдко очень значительна и, поэтому контроль сильно затруднялся. Далѣе въ средніе вѣка зорко слѣдилъ за ввозомъ каждой категоріи товаровъ тотъ цехъ, который пользовался монополіей въ данной отрасли производства, не допуская ввоза запрещенныхъ товаровъ и контролируя ввозъ товаровъ, обложенныхъ пошлиной. Въ XVII—XVIII вѣкѣ этого надзора со стороны цеховъ уже не было и быть не могло, правительственные чиновники, заступившіе ихъ мѣсто не были заинтересованы въ такой мѣрѣ, какъ цехи въ стѣсненіи ввоза товаровъ въ страну, и ихъ нетрудно было подкупить. Наконецъ, поскольку существовала пошлина, а не запрещенія ввоза, эти пошлины въ средніе вѣка были несложны, и взиманіе ихъ не представляло затрудненій; впослѣдствіи же онѣ замѣняются сложными и пространными тарифами, дѣлавшими вычисленіе пошлинъ дѣломъ крайне труднымъ; таможенные

чиновники были совершенно несвѣдущи въ техникѣ товаровъ и обыкновенно полагались на свѣдѣнія, сообщаемыя купцомъ подъ присягой.

При такихъ условіяхъ не удивительно, что періодъ XVII—XVIII ст. представляетъ собою расцвѣтъ контрабандной торговли, что въ эту эпоху всякій купецъ, рѣшавшійся подвергнуться нѣкоторому риску могъ совершать прекрасные обороты, обходя запрещенія и пошлины. Ввозъ товаровъ контрабандным путемъ долженъ былъ принять обширные размѣры, и потому, что онъ былъ вполнѣ организованъ, тогда какъ охрана пограничной черты была неудовлетворительна. „Несовершенство таможеннаго управленія въ техническомъ отношеніи, подкупность чиновниковъ, неопредѣленность ставокъ тарифа, ихъ сложность, вслѣдствіе существованія различныхъ добавочныхъ платежей, неясность всего тарифа, вслѣдствіе цѣлой массы исключеній, наконецъ, система пошлинъ ad valorem, взимаемыхъ на основаніи показаній купца подъ присягой, безъ какихъ-либо иныхъ средствъ контроля— все это—говоритъ Шмоллеръ относительно Англіи XVII и XVIII вѣка— приводило къ тому, что контрабанда приняла грандіозные размѣры [1]), несмотря на то, что въ 1617 году одинъ изъ купцовъ былъ назначенъ въ высшее учрежденіе по таможеннымъ сборамъ, въ виду его знакомства со всѣми продѣлками контрабандистовъ. Значительная часть ввоза товаровъ въ Англію производилась путемъ контрабанды. Сюда относится, напримѣръ, ввозъ, шелковыхъ издѣлій изъ Франціи, который былъ воспрещенъ [2]). Такимъ же способомъ происходилъ и вывозъ шерсти изъ Англіи во Францію, который также не допускался закономъ: несмотря на запрещеніе, въ 1696 г., напр., изъ восьмисотъ тысячъ тюковъ шерсти, произведенныхъ въ Англіи, было вывезено пятьсотъ тысячъ во Францію [3]). Лишь послѣ финансовыхъ реформъ Питта съ 1784 г. контрабанда нѣсколько уменьшилась. Вслѣдствіе «билля о контрабандѣ» была усилена охрана пограничной черты, запрещенъ ввозъ товаровъ на судахъ извѣстнаго рода, ибо суда малыхъ размѣровъ, имѣвшія возможность повсюду пристать къ англійскому берегу, особенно облегчали ввозъ контрабандныхъ товаровъ; далѣе всякое конфискованное судно истреблялось; уничтожена была присяга при показаніи о цѣнности товара [4]).

Во Францію при Кольберѣ масса товаровъ проникала контрабандным путемъ и успѣшно конкуррировала съ мѣстной промышленностью. Англійскія сукна, венеціанскія кружева и зеркала, чулочный товаръ ввозились въ значительномъ количествѣ, затрудняя

[1]) Schmoller. Die englische Handelspolitik im 17. und 18. Jahrh. Jahrbuch für Gesetzgebung etc. B. 23. S. 1224.

[2]) Grothe. Geschichte vom Spinnen, Weben, Nähen. 2 Aufl. 1875. S. 96.

[3]) Ibid. S. 96. 222.

[4]) Schmoller. Engl. Handelspol. S. 1234.

развитіе основанной Кольберомъ промышленности. Контрабанда еще болѣе усилилась, когда послѣ смерти Кольбера пошлины были частью повышены, частью замѣнены запрещеніями ввоза. Только въ 1786 году былъ заключенъ торговый договоръ съ Англіей, и ставки на англійскіе товары понижены; хотя безпошлинный ввозъ товаровъ и уменьшился, но зато контрабанда приняла другую форму: пошлины уплачивались въ меньшемъ размѣрѣ противъ того, что было условлено по договору, французскіе же откупщики таможенныхъ доходовъ были настолько несвѣдущи въ качествѣ товаровъ, что не въ состояніи были разоблачить незаконныя дѣйствія англійскихъ купцовъ [1]). Какъ впослѣдствіи указывалось въ національномъ собраніи, подобнаго рода контрабанда, состоявшая въ сокрытіи дѣйствительной цѣнности товаровъ, практиковалась въ обширныхъ размѣрахъ. Не только англійскіе фабрикаты, преимущественно сукна, но и продукты саксонской и швейцарской (хлопчатобумажной) промышленности ввозились во Францію, несмотря на запрещенія ввоза 1780 и 1785 гг., въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и ранѣе, до этихъ запрещеній. Запрещенія обходились, главнымъ образомъ, путемъ наложенія остъ-индскаго клейма на саксонскіе и швейцарскіе товары, ибо ввозъ остъ-индскихъ бумажныхъ издѣлій былъ свободенъ. Контрабанда провозилась въ однихъ случаяхъ черезъ Франкфуртъ на Майнѣ, въ другихъ черезъ Гамбургъ и французскіе портовые города, смотря по тому, гдѣ провозъ былъ безопаснѣе въ данное время. Вообще, вся саксонская текстильная промышленность, расцвѣтъ которой относится къ 18 вѣку, основывалась на контрабандномъ ввозѣ товаровъ въ другія страны ибо ввозъ продуктовъ саксонской текстильной промышленности былъ повсюду либо вовсе запрещенъ, либо обложенъ высокими пошлинами. Не только во Францію, но и въ Голландію, Россію и Польшу товары ввозились контрабаднымъ путемъ. Когда окольныя дороги въ Россію оказывались непроходимыми вслѣдствіе дождливой погоды, вывозъ саксонскихъ товаровъ сокращался, но какъ только это препятствіе устранялось, онъ возобновлялся съ новой силой [2]).

Основанныя Фридрихомъ Великимъ мануфактуры также сильно страдали отъ иностранной конкурренціи, несмотря на существованіе цѣлой массы запрещеній и покровительственныхъ пошлинъ. Шелковой промышленности, на развитіе которой онъ обращалъ особенное вниманіе, приходилось вести сильную борьбу съ контрабаднымъ ввозомъ иностранныхъ товаровъ, котораго не въ состояніи были уничтожить. Хотя въ 70-хъ годахъ XVIII-го вѣка контрабанда нѣсколько умень-

[1]) Brandt. Gesch. der französischen Handelspolitik S. 52—54. Malvezin. Histoire du commerce de Bordeau. T. III. p. 59.

[2]) Bein. Industrie des sächsischen Voigtlandes. B. II. Leipzig. 1884. S. 90—99.

шилась вслѣдствіе улучшенія охраны пограничной черты, но и впослѣдствіи нерѣдко около третьей части шелковыхъ издѣлій, потребляемыхъ внутри страны, были иностраннаго происхожденія. Особенно опасна была конкурренція ліонской промышленности, ибо въ годы застоя въ сбытѣ товаровъ во Франціи, издѣлія ліонской шелковой промышленности ввозились въ Пруссію и продавались здѣсь по пониженнымъ цѣнамъ [1]). По отношенію къ другой не менѣе важной отрасли прусской промышленности, именно производству полотняныхъ издѣлій въ Силезіи, всѣ усилія Фридриха Великаго были направлены къ уничтоженію вывоза пряжи изъ страны для того, чтобы послѣдняя обработывалась въ Силезіи же, а не заграницей. Но и это не удавалось, и здѣсь запрещенія вывоза обходились: пряжа лучшихъ сортовъ провозилась черезъ таможни подъ видомъ пряжи худшаго качества, вывозъ которой допускался, или же просто вывозилась окольными путями черезъ границу, минуя таможни [2]).

„Въ Австріи—говоритъ Бэръ — вслѣдствіе неудовлетворительной таможенной охраны, контрабанда процвѣтала, и цѣлыя кипы актовъ о контрабандномъ ввозѣ товаровъ, относящихся къ XVШ вѣку, даютъ лучшее представленіе о значительности ввоза товаровъ въ эту эпоху, чѣмъ оффиціальныя таблицы того времени, составленныя на основаніи совершенно недостаточныхъ данныхъ. Вся изобрѣтательность правительства, направленная къ уничтоженію ввоза иностранныхъ товаровъ, не могла помочь горю, ибо контрабандистамъ всегда удавалось перехитрить правительство, а чиновники, получавшіе „подарки“, смотрѣли на ихъ продѣлки сквозь пальцы“ [3]).

Хуже всего дѣла обстояли, какъ и слѣдовало ожидать, въ Испаніи. Испанія была въ XVП—XVШ вѣкахъ классической страной контрабандной торговли. Контрабандный ввозъ товаровъ производился здѣсь въ столь обширныхъ размѣрахъ, что правительство бросило мысль о возможности борьбы съ контрабандистами. Контрабандисты появлялись нерѣдко цѣлыми сотнями, вооруженные и верхами, иногда даже съ пушками. Townsend разсказываетъ, что при немъ контрабандисты ворвались въ одинъ испанскій городъ и заняли его, заставивъ войско уйти изъ города [4]).

---

[1]) Hintze. Die preussische Seidenindustrie des 18. Jahrh. Schmoller's Jahrbuch. 1893. S. 41. Schmoller. Die preuss. Seidenindustrie und ihre Begründung durch Friedrich den Grossen. Umrisse und Untersuchungen. S. 544. 550, 553, 556.

[2]) Zimmermann. Blüte und Verfall des Leinengewerbes in Schlesien. 2Aufl. S. 32, 48, 85, 92, 169, 249 - 250.

[3]) Beer. Studien zur Geschichte der Oesterreichischen Volkswirtschaft unter Maria Theresia. T. I. Wien. 1894. S. 78.

[4]) Häbler. Spaniens wirtschaftliche Blüte im 16. Jahrh. und ihr Verfall Berlin. 1888. S. 80. Roscher. Finanzwissenschaft T. 2. S. 9. Anm. 7.

БИБЛІОТЕКА

III.

„Таможенныя пошлины при вывозѣ товаровъ—говоритъ Рошеръ—возникаютъ ранѣе ввозныхъ пошлинъ. Въ средніе вѣка нерѣдко онѣ вызываются стремленіемъ правительства обезпечить городъ достаточнымъ количествомъ облагаемаго при вывозѣ товара: часто это дѣлается путемъ запрещеній вывоза, отъ которыхъ затѣмъ и освобождаютъ за извѣстную плату. Впослѣдствіи меркантильная система уже воспользовалась вывозными пошлинами для снабженія мѣстной промышленности необходимымъ ей сырьемъ, что, однако, было сопряжено съ соотвѣтствующими жертвами для туземныхъ производителей сырья“ [1]). Такого же взгляда по отношенію къ вывознымъ пошлинамъ придерживается и Инама-Штернеггъ: вывозныя пошлины, по его мнѣнію, были вызваны стремленіемъ создать обильное предложеніе сырья и пищевыхъ продуктовъ на мѣстномъ рынкѣ, почему вывозъ товаровъ, разъ ввезенныхъ въ городъ, или не допускается вовсе или обставляется разными стѣснительными мѣрами [2]). Laves—въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften—правда, указываетъ и на то, что не только сырье и пищевые продукты, но и промышленныя издѣлія при вывозѣ облагались пошлинами, и дѣлаетъ изъ этого факта тотъ выводъ, что фискальные интересы ставились выше интересовъ промышленности, но и онъ находитъ, что пошлины на сырье и пищевые продукты устанавливались съ цѣлью удержанія произведенныхъ продуктовъ въ городѣ и странѣ и пониженія цѣнъ товаровъ на мѣстномъ рынкѣ [3]).

Факты противорѣчатъ этой теоріи, господствующей въ настоящее время въ наукѣ. Пошлины на вывозъ товаровъ хотя и возникли, въ противоположность ввознымъ пошлинамъ, не изъ протекціонныхъ соображеній, но въ то же время не преслѣдовали цѣли снабженія мѣстнаго рынка возможно большимъ количествомъ произведенныхъ въ данной мѣстности товаровъ, а имѣли въ виду почти исключительно цѣли фискальнаго свойства; фискальными мотивами вызывались не только пошлины на вывозъ промышленныхъ издѣлій, но и пошлины на сырье и пищевые продукты.

И вывозныя пошлины стоятъ въ тѣсной связи съ запрещеніями вывоза, но эти запрещенія въ большинствѣ случаевъ издаются лишь ради того, чтобы одновременно съ этимъ имѣть возможность дѣлать исключенія въ пользу отдѣльныхъ лицъ или корпорацій, выдавая имъ за извѣстную сумму лиценціи на вывозъ, которыя превращаются постепенно въ постоянныя, равныя для всѣхъ вывозя-

[1]) Roscher. Finanzwissenschaft T. II. S. 85.
[2]) Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. B. III T. 2. S. 245.
[3]) Ausfuhrzölle Handwört. 1. Aufl. S. 971.

щихъ товары лицъ, таможенныя пошлины. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ впрочемъ, эти запрещенія вывоза имѣли и самостоятельное значеніе, превращая тѣ или другія отрасли торговли въ государственную регалію. Вмѣстѣ съ такой монополизаціей вывоза извѣстныхъ товаровъ, однако, и въ этихъ случаяхъ выдавались лицензіи, которыя и здѣсь приводили постепенно къ введенію вывозныхъ пошлинъ.

Во Франціи, въ XIII-мъ вѣкѣ, а безъ сомнѣнія, и въ предыдущія столѣтія, представители мѣстной власти запрещали вывозъ вина, хлѣба и другихъ товаровъ съ тою цѣлью, чтобы продавать привилегіи на вывозъ этихъ же самыхъ товаровъ [1]). Такимъ же образомъ поступалъ и самъ король, установивъ въ 1305 г. лицензіи на вывозъ шерсти. Въ Лангедокѣ иностранные, особенно итальянскіе купцы закупали на рынкахъ шерсть и красильныя вещества и вывозили ихъ изъ страны въ такомъ огромномъ количествѣ, что мѣстные цехи ткачей, валяльщиковъ и сукнодѣловъ лишались работы. Филиппъ Смѣлый въ 1277 г. запретилъ вывозъ шерсти, а Филиппъ Красивый воспользовался существовавшимъ уже запрещеніемъ и въ 1303 г. предоставилъ монополію вывоза шерсти двумъ итальянскимъ купцамъ. Цехи вновь стали жаловаться королю на вывозъ шерсти и обязались уплачивать ему спеціальный налогъ въ размѣрѣ 12 денье со штуки сукна при продажѣ оптомъ и 7 ден. при продажѣ въ розницу, если король запретитъ итальянцамъ вывозъ шерсти. Филиппъ Красивый изъявилъ свое согласіе (1305 г.), но сохранилъ за собой право разрѣшать вывозъ шерсти отдѣльнымъ лицамъ и пользовался этимъ правомъ въ обширныхъ размѣрахъ, такъ что въ дѣйствительности шерсть вывозилась изъ страны въ значительномъ количествѣ. При этомъ, всякій желающій получить разрѣшеніе долженъ былъ уплатить извѣстную сумму въ пользу короля [2]). Въ 1296 году онъ запретилъ вывозъ съѣстныхъ припасовъ, оружія, скота, а затѣмъ въ 1302 и 1310 гг. и другихъ товаровъ, какъ-то: желѣза, стали, некрашенаго сукна, льна, конопли, и т. д., но разрѣшилъ вмѣстѣ съ тѣмъ вывозъ всѣхъ этихъ товаровъ за извѣстную сумму, уплачиваемую въ пользу короля и состоящую изъ двухъ частей: одна подъ именемъ „droit de haut-passage“ опредѣлялась королевской счетной палатой за каждое разрѣшеніе особо, другая, «traite foraine» взималась при вывозѣ товара таможенными чиновниками [3]). Къ этимъ двумъ сборамъ вскорѣ присоединился еще третій, „droit de rève“, но уже въ формѣ разъ на-

---

[1]) Levasseur, Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France. 2-e editlon. T. I. Paris. 1900. p. 435.

[2]) Ibid. I. p. 436.

[3]) Clamageran. Histoire de l'impôt en France. I. p. 310. 348. Lexis. Ausfuhrzölle und Ausfuhrverbote. Handwört. der Staatswiss. 2 Aufl. B. II. S. 39—40.

всегда установленныхъ таможенныхъ пошлинъ. Именно, въ 1324 году повторяется запрещеніе вывоза всѣхъ вышеупомянутыхъ товаровъ, но въ томъ же 1324 году, шесть мѣсяцевъ спустя, для многихъ изъ нихъ установлена вывозная пошлина, которая распространена ордонансомъ 1358 г. на всѣ вывозимые изъ страны товары. Эта пошлина ad valorem взималась на основаніи особаго тарифа, въ размѣрѣ 4 den. съ ливра; на нѣкоторые же товары, какъ-то: хлѣбъ, соль, сельди, вино, скотъ, уплачивалась специфическая пошлина, съ извѣстнаго количества вывозимаго товара. Впослѣдствіи и сборъ въ формѣ haut-passage былъ превращенъ въ вывозную пошлину, путемъ установленія опредѣленныхъ тарифныхъ ставокъ [1]).

Изъ ордонанса 1383 года видно, что въ то время существовало три категоріи товаровъ: одни изъ нихъ, особенно оружіе, посуда и сукно, подлежали вывозу лишь на основаніи разрѣшенія короля, выдаваемаго каждый разъ отдѣльно; другіе, всѣ остальные товары, платили лишь «droits de rève», «обычныя» пошлины; третьи, наконецъ, шерсть, шкуры, желѣзо и сталь, полотна, а также скотъ, облагались, кромѣ «droits de rève», еще спеціальной пошлиной, одни специфической, другіе ad valorem [2]). При вывозѣ хлѣба, который часто запрещался, платились, однако, и впослѣдствіи всѣ три рода сборовъ: какъ за право вывоза, такъ и обычная пошлина, и, наконецъ, специфическій сборъ съ каждой тонны. Такіе сборы съ хлѣба встрѣчаются еще въ 1539 г. [3])

Такимъ образомъ, мы находимъ во Франціи три рода таможенныхъ сборовъ: traite foraine, который еще долго сохранился въ первоначальномъ видѣ, какъ плата за спеціальное разрѣшеніе на право вывоза; droit de haut-passage, превратившійся мало-по-малу изъ неопредѣленныхъ, каждый разъ особо устанавливаемыхъ платежей въ постоянную пошлину: при вывозѣ не приходилось болѣе испрашивать разрѣшенія у короля, надо было лишь уплатить въ его пользу опредѣленную сумму денегъ; наконецъ, droit de rève, сразу установленный въ видѣ таможеннаго тарифа, минуя переходную стадію лицензій. Въ 1577 г. появляется еще четвертый сборъ, подобно третьему и всѣмъ послѣдующимъ, также сразу въ формѣ вывозныхъ пошлинъ [4]). Прежніе три сбора продолжали существовать и впослѣдствіи, составляя около 10% съ цѣны товаровъ, которая, однако, устанавливалась тарифомъ совершенно произвольно, причемъ въ послѣдующихъ тарифахъ 1581 и 1632 г. каждый разъ повышалась, уве-

[1]) Lexis. Ausfuhrzölle.

[2]) Clamageran. I. p. 420—421.

[3]) Naudé. Acta Borussica. Getreidehandelspolitik. B. I. Die Getreidehandelspolitik Europäischer Staaten vom 13 bis zum 18 Jahrh. Berlin. 1896. S. 29.

[4]) Clamageran. II. p. 233.

личивая этимъ, слѣдовательно, и уплачиваемую пошлину. Что эти пошлины такъ же, какъ и первоначальныя запрещенія вывоза, не имѣли протекціоннаго характера, а преслѣдовали исключительно фискальныя цѣли, видно какъ изъ того, что онѣ распространялись на всѣ предметы вывоза, какъ сырье, такъ и обработанные матеріалы, такъ и изъ того, что запрещенія вывоза не имѣли самостоятельнаго значенія, и уменьшеніе вывоза не имѣлось вовсе въ виду при ихъ введеніи, а были установлены лишь ради того, чтобы имѣть возможность нарушать ихъ, продавая лиценціи, слѣдовательно, исключительно изъ фискальныхъ соображеній; изъ этихъ же лиценцій образовались впослѣдствіи пошлины, которыя являлись лишь измѣненной формой лиценцій, слѣдовательно, по существу ничего не мѣняли.

Такой же фискальный характеръ имѣютъ первоначально вывозныя пошлины и въ Англіи. И здѣсь издаются запрещенія для того, чтобы затѣмъ дѣлать исключенія въ пользу отдѣльныхъ лицъ за плату, и здѣсь изъ такихъ запрещеній и лиценцій возникаютъ пошлины. Наиболѣе важны неоднократныя запрещенія вывоза шерсти, или, что то же, вывоза овецъ. „Эти запрещенія, издававшіяся съ половины XIII-го до половины XV-го вѣка — говоритъ Ломаннъ— преслѣдовали фискальныя цѣли. Они либо непосредственно увеличивали доходы короля, который былъ наиболѣе крупнымъ экспортеромъ шерсти, доставляя ему монополію вывоза, либо достигали того же косвеннымъ путемъ, посредствомъ исключеній, дѣлавшихся въ пользу гильдіи „merchants of the staple“, которая получила монополію вывоза шерсти, уплачивая за это высокія пошлины съ вывозимыхъ ею товаровъ. Наконецъ, запрещенія издавались нерѣдко и просто ради того, чтобы фискъ получалъ доходъ за исключенія, дѣлаемыя въ пользу отдѣльныхъ лицъ (лиценціи), или чтобы оказать давленіе на иностранныхъ покупателей. Всѣ эти мѣры средневѣковаго періода— заключаетъ Ломаннъ—не имѣютъ, слѣдовательно, по своему возникновенію и преслѣдуемой цѣли ничего общаго съ запрещеніями вывоза меркантильной эпохи, которыя имѣли въ виду сдѣлать невозможнымъ вывозъ сырья изъ страны“ [1]).

Все то, что здѣсь говоритъ Ломаннъ по поводу вывоза шерсти, относится и къ другимъ предметамъ вывоза. Такъ „merchants of the staple“ имѣли монополію въ вывозѣ не только шерсти, но и кожъ, олова и цѣлой массы другихъ сырыхъ товаровъ, чѣмъ и объясняется запрещеніе вывоза ихъ, которое находимъ еще при Елисаветѣ. Впрочемъ, относительно обработанныхъ

---

[1]) Lohmann. Die staatliche Regelung der englischen Wollindustrie vom XV bis zum XVIII Jahrhundert. Leipzig. 1900. S. 71. Vocke. Geschichte der Steuern des britischen Reichs. S. 298.

шкуръ въ законѣ, изданномъ въ 1576 г., прямо говорится, что это запрещеніе не безусловное, что въ случаѣ уплаты высокой пошлины можно получить разрѣшеніе на вывозъ [1]). Запрещеніе вывозить хлѣбъ, сало, мясо, сыръ встрѣчается уже въ 1204 году, причемъ, на основаніи спеціальныхъ лицензій, вывозъ этихъ товаровъ разрѣшается [2]). Любопытенъ при этомъ и тотъ фактъ, что встрѣчаются и запрещенія вывоза сукна и не только полуфабрикатовъ, но и совершенно готовыхъ издѣлій, запрещенія, которыя съ 1397 г. замѣняются вывозной пошлиной на сукно. Изъ такого отношенія къ вывозу сукна лучше всего видно, что въ средніе вѣка запрещенія вывоза и вывозныя пошлины никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ фискальныхъ, не преслѣдовали.

Приведемъ еще нѣсколько фактовъ изъ другихъ странъ, подтверждающихъ указанное общее положеніе. Въ Бранденбургѣ въ XVI вѣкѣ запрещенъ вывозъ хлѣба, но исключеніе дѣлается въ пользу дворянства, которое пользуется правомъ вывозить хлѣбъ, произведенный на собственной землѣ; но оно постоянно обходитъ законъ, скупая и хлѣбъ у крестьянъ для вывоза, на что неоднократно раздаются жалобы. Курфюрстъ Іоахимъ II въ 1550 году замѣняетъ это запрещеніе вывозной пошлиной [3]). Точно также въ Бранденбургѣ (въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка) запрещенъ вывозъ шерсти, но казна, а равно духовные и свѣтскіе князья и рыцари, имѣютъ право вывозить шерсть, произведенную въ доменахъ и на собственныхъ земляхъ князей и рыцарей. То же дѣлается и въ Саксоніи въ началѣ XVII-го вѣка [4]). Въ Швеціи въ XVI вѣкѣ существовала монополія короля въ торговлѣ солью и скотомъ; при Густавѣ-Адольфѣ (XVII в.) монополія на мѣдь, соль и хлѣбъ; вывозъ этихъ продуктовъ былъ запрещенъ. Но въ томъ же XVII вѣкѣ монополія и запрещеніе вывоза были замѣнены высокими вывозными пошлинами [5]). Въ 1501 г. Филиппъ Красивый, король Кастиліи, запрещаетъ вывозъ хлѣба изъ Голландіи, якобы съ той цѣлью, чтобы предотвратить дороговизну хлѣба въ странѣ. Но въ 1505 г. онъ объявляетъ, что тѣмъ, кто уплатитъ ему извѣстную сумму, онъ разрѣшитъ вывозить хлѣбъ. Изъ этихъ лицензій на вывозъ опредѣленнаго количества хлѣба и обра-

[1]) Ochenkowski. Englands wirtschaftliche Enswickelung im Ausgang des Mittelalters. S. 247. Vocke. S. 282.

[2]) Naudé. S. 71.

[3]) Acta Borussica. Getreidehandelspolitik. B. II. Schmoller u. Naudé. Die Getreidehandelspolitik und Kriegsmagazinverwaltung Brandenburg—Preussens bis 1740. Berlin 1901. S. 31 и сл.

[4]) Roscher. Nationaloeconomik des Handels und Gewerbe-Fleisses. 7. Aufl. III. S. 851. Anm. 5.

[5]) Roscher. System der Finanzwissenschaft. 5. Aufl. Stuttgart. 1901. T. I. S. 148.

зовались впослѣдствіи вывозныя пошлины подъ названіемъ „Congié-geld", т. е. плата за разрѣшеніе; въ этомъ названіи сохранилось указаніе на происхожденіе этихъ пошлинъ [1]).

Впослѣдствіи вывозныя пошлины превращаются изъ фискальныхъ въ протекціонныя: онѣ являются однимъ изъ способовъ уменьшенія вывоза сырья, практикуемыхъ государствомъ съ цѣлью достиженія выгоднаго торговаго баланса. Но такой протекціонный характеръ вывозныя пошлины пріобрѣтаютъ не ранѣе второй половины XVII вѣка. Во Франціи еще въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка существовали тѣ же „droits de rève et de haut-passage" и „imposition foraine", которые мы встрѣчали въ средніе вѣка и которые взимались безъ разбора съ вывоза какъ пищевыхъ продуктовъ, такъ и сырья и фабрикатовъ [2]). Въ Англіи же при Елисаветѣ цѣлая масса отраслей торговли являлась монополіей королевы, эксплоатируемой во многихъ случаяхъ частными лицами. Эти монополіи Елисавета называла „прекраснѣйшимъ цвѣткомъ въ своемъ саду и крупнѣйшей жемчужиной въ діадемѣ" [3]). Монополія существовала на соль, желѣзо и сталь, сукно, бумагу, зеркала, испанскую шерсть, ирландскую пряжу, различныя издѣлія изъ стекла, глины и металловъ и т. д., словомъ, на самые разнообразные предметы, вывозъ которыхъ, конечно, былъ вообще запрещенъ [4]), но дозволенъ лицамъ и корпораціямъ, эксплоатировавшимъ ту или другую монополію. Уничтожены онѣ были лишь закономъ 1623 года. Очевидно, что до тѣхъ поръ, пока запрещенія вывоза или вывозныя пошлины распространяются на всевозможные продукты, не только на сырье, но и на фабрикаты, о протекціонномъ характерѣ ихъ и рѣчи быть не можетъ. Ясно также и то, что при монополизаціи данной отрасли торговли государствомъ вывозъ товаровъ въ дѣйствительности происходитъ, съ той только разницей, что прибыль идетъ въ пользу казны или въ пользу лицъ, эксплоатирующихъ монополію, а не въ пользу частныхъ лицъ вообще, какъ это было бы при существованіи свободы вывоза. При Кольберѣ и Кромвелѣ впервые появляются протекціонныя вывозныя пошлины исключительно на сырые матеріалы, имѣющія самостоятельную цѣль уменьшенія вывоза ихъ изъ страны; монополіи казны, по крайней мѣрѣ въ торговлѣ этими продуктами, уничтожаются. Въ XVIII-мъ вѣкѣ ихъ политикѣ слѣдуютъ Марія-Терезія и Фридрихъ Великій.

Рядомъ съ запрещеніями вывоза товаровъ мы встрѣчаемся въ средніе вѣка и съ запрещеніями вывоза денегъ, монеты и слитковъ

---

[1]) Naudé. Acta Borussica. Getreidehandelspolitik. I. стр. 317 и сл.
[2]) Clamageran. II p. 232 и сл.
[3]) Cohn. Finanzwissenschaft. Stuttgart. 1889. p. 682.
[4]) Roscher, Finanzwissenschaft. T. I. S. 149. Anm. 3.

золота и серебра. И эти мѣры, такъ же какъ и запрещенія вывоза товаровъ, объясняютъ обыкновенно желаніемъ обезпечить мѣстный рынокъ достаточнымъ количествомъ денегъ. Указываютъ на то, что въ средніе вѣка руководствовались принципомъ—сохранить произведенное количество металла въ странѣ, а въ эпоху меркантилизма—увеличить сумму денегъ, обращающихся въ странѣ. Въ дѣйствительности запрещенія вывоза денегъ вызываются совершенно другими соображеніями. Эта таможенная политика относительно денегъ находится въ тѣсной связи съ монетной регаліей и со стремленіемъ государей воспользоваться ею съ цѣлью полученія безпроцентнаго государственнаго кредита.

Въ средніе вѣка короли при своей расточительности и непрерывныхъ войнахъ постоянно нуждались въ деньгахъ, что особенно усилилось въ XV и XVI вѣкахъ, когда появились наемныя войска, которыя хотя и придерживались попрежнему стараго принципа, что война должна прокармливать войну, иначе говоря, грабили жителей во время войны, но всетаки требовали и платы отъ государя, на службу котораго нанимались. Государственныхъ доходовъ не хватало на покрытіе потребностей короля, на увеличеніе ихъ сеймы не легко соглашались, а прибѣгать къ государственнымъ займамъ было очень трудно, ибо королю довѣряли не болѣе, чѣмъ всякому частному лицу. Долгъ государя не считался въ то время долгомъ страны, и населеніе не обязано было исполнять принятыхъ на себя государемъ обязательствъ, а принципъ «le roi est mort, vive le roi» къ долгамъ обыкновенно не примѣнялся и преемникъ отказывался уплатить долги, сдѣланные его предшественникомъ [1]). Въ послѣдующія столѣтія налоги увеличились, но они еще и въ XVIII-мъ вѣкѣ считались доходами экстраординарными [2]), къ которымъ можно прибѣгать лишь въ исключительныхъ случаяхъ, королю же при заключеніи займовъ довѣряли попрежнему очень мало и ему и впослѣд-

---

[1]) См. Ehrenberg. Das Zeitalter der Fugger. Iena. 1896. B. I. S. 18 и сл.

[2]) Англійскій писатель XVIII-го вѣка Стефенсъ слѣдующимъ образомъ подраздѣляетъ государственные доходы: во-первыхъ — обыкновенные (ordinary), а именно: 1) доходы отъ епископскихъ каѳедръ въ различныхъ случаяхъ, 2) десятины, 3) доходы съ домены, 4) purveyance and preemption—право на поставку и первую куплю, 5) доходы отъ лѣсовъ, 6) судебные доходы, 7) право на выброшенныхъ китовъ—т. наз. royal fish, а также на заблудшихъ животныхъ и на остатки отъ кораблекрушенія, 8) регальное право на золото и серебро, 9) конфискованныя имущества, 10 и 11) доходы отъ надзора за идіотами и сумасшедшими; во-вторыхъ—экстраординарные доходы (extraordinary) — всѣ налоги и (таможенныя пошлины. Commentaries of the Laws of England. Vol. II. Подобное же распредѣленіе государственныхъ доходовъ находимъ у Синклера. Sinclair. The History of Public Revenue of the British Empire. 1785—1790. T. I p. 4. Янжулъ. Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ, стр. 4, прим. 1.

ствіи далеко не всегда удавалось заставить земскіе чины принять на себя заключенныя имъ обязательства, т. е. признать его долгъ долгомъ страны.

Поэтому капиталисты соглашались давать въ долгъ королю лишь подъ залогъ драгоцѣнностей или государственныхъ доходовъ, и когда эти предметы залога были исчерпаны, королю неоткуда было достать денегъ [1]). Факты изъ исторіи государственнаго кредита въ Англіи, которые мы заимствуемъ у Кона, прекрасно иллюстрируютъ это положеніе. Король Генрихъ III принужденъ былъ заложить свои драгоцѣнности, одежду и даже реликвіи Св. Эдуарда, кредиторамъ своимъ не платилъ и всетаки постоянно нуждался въ средствахъ. Ричардъ II обратился къ парламенту съ просьбой дать ему деньги на веденіе войны съ Франціей; парламентъ отказался; купцы, съ которыми онъ хотѣлъ заключить заемъ, заявили, что дадутъ деньги лишь подъ вѣрное обезпеченіе, и такъ какъ такового не оказалось, король долженъ былъ бросить мысль о походѣ. Генриху V уже удалось получить отъ парламента субсидію на веденіе войны съ Франціей, но такъ какъ суммы эти поступали не достаточно быстро, то онъ желалъ заключить заемъ подъ эту субсидію и при поручительствѣ трехъ герцоговъ. Но онъ получилъ менѣе третьей части необходимой ему суммы: для реализаціи всей суммы займа пришлось заложить корону и драгоцѣнности короля [2]).

Подобные же факты приводитъ Шмоллеръ изъ исторіи Бранденбурга и Пруссіи XV—XVIII вѣковъ. Когда Гогенцоллерны получили отъ императора Сигизмунда Бранденбургъ въ въ XV-мъ вѣкѣ, $^{9}/_{10}$ всѣхъ доходовъ страны были проданы или заложены разнымъ лицамъ—это былъ единственный способъ полученія денегъ взаймы, къ которому прибѣгали государи въ минуты нужды. Государственныя должности отдавались тому, кто ссужалъ государя деньгами; затѣмъ эти лица, конечно, вознаграждали себя отъ службы вдесятеро, причемъ по условію ихъ нельзя было лишить мѣста ранѣе уплаты долга. Въ XVI-мъ вѣкѣ секвестрованныя церковныя земли были тотчасъ же заложены, и все таки каждый разъ приходилось обращаться къ городамъ съ просьбой поручиться за маркграфа; а когда въ 1548 г. понадобилось 12 тысячъ талеровъ, то уже рѣшительно нечего было заложить, и рентмейстеръ Матіасъ долженъ былъ отдать въ залогъ свои собственныя драгоцѣнности, чтобы добыть денегъ для своего государя. Еще хуже обстояли дѣла при великомъ курфюрстѣ въ половинѣ XVIII вѣка: въ теченіе продолжительнаго времени приходилось занимать по

---

[1]) Ср. Янжулъ. Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ. Акцизъ. Москва. 1874. Стр. 4—5, 43 и сл.

[2]) Cohn. S. 681—82.

15 талеровъ у берлинскаго магистрата на пропитаніе курфюрста, когда же онъ пріѣхалъ въ Кенигсбергъ, то едва удалось достать нѣкоторую сумму на содержаніе двора: финансы были истощены, долги велики и все возможное было уже заложено. Въ столь же критическомъ положеніи находились финансы Фридриха Великаго къ концу Силезскихъ войнъ—казенныя сбереженія (Staatschatz) были совершенно использованы, золотая и серебряная утварь короля была перечеканена въ монету, послѣ двухъ займовъ земскіе чины не соглашались заключить третій [1]).

Въ наше время въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, когда нѣтъ возможности заключить заемъ, прибѣгаютъ къ выпуску бумажныхъ денегъ. Въ средніе вѣка этого средства не знали, да и впослѣдствіи въ XVI—XVII в. къ нему еще не прибѣгали, но и тогда прибѣгали къ выпуску орудій обмѣна, обращеніе которыхъ, обезпеченное принудительнымъ курсомъ, основывалось бы не на ихъ внутренней цѣнности, а на увѣренности въ томъ, что и казна и частныя лица примутъ ихъ при платежахъ. Бумажныя деньги замѣнялись въ тѣ времена неполновѣсной монетой, какъ крупной такъ и мелкой, выпускъ которой являлся безпроцентнымъ государственнымъ займомъ, тѣмъ болѣе выгоднымъ, что государственные займы, поскольку ихъ вообще удавалось заключить, оплачивались въ тѣ времена огромными процентами.

Монеты выпускались на 20—30 и болѣе проц. выше ихъ внутренней стоимости, и чуть ли не ежегодно должны были предъявляться въ государственныя кассы, гдѣ вновь перечеканивались, причемъ количество содержимаго въ нихъ металла каждый разъ уменьшалось. Хотя онѣ должны были приниматься при платежахъ обязательно по номинальной цѣнѣ, но въ дѣйствительности, какъ въ настоящее время при бумажныхъ деньгахъ, скоро создавался лажъ на лучшіе сорта монеты. Когда дѣло заходило слишкомъ далеко, когда монета успѣла потерять большую часть своей цѣнности, государство производило нѣчто въ родѣ девальваціи, понижая номинальную цѣну до внутренней стоимости монеты или просто объявляло ее негодной и выпускало новую, съ которой вновь производились такія же операціи [2]). Для того, чтобы обезпечить себѣ возможность порчи монеты и пользованія монетой для полученія государственнаго кредита, и запрещалось вывозить монету и слитки изъ страны. Такъ какъ одновременно въ странѣ обращалось нѣсколько сортовъ монеты, далѣе иностранная монета и благо-

---

[1]) Schmoller. Epochen der preussischen Finanzpolitik. Umrisse und Untersuchungen. S. 115. 131—132. 139. Cohn. S. 690—691.

[2]) Во Франціи ливръ въ XVI вѣкѣ содержалъ лишь $^1/_{39}$ своего первоначальнаго вѣса.

родные металлы въ слиткахъ, и худшая монета необходимо должна была вытѣснить лучшую, то и прибѣгали къ запрещеніямъ вывозить золото и серебро въ слиткахъ, въ утвари и въ лучшихъ сортахъ монеты; наоборотъ, разрѣшалось свободно вывозить худшую монету.

Король французскій Филиппъ Красивый выпустилъ въ 1295 г. неполновѣсную монету и въ слѣдующемъ же году одновременно съ запрещеніемъ вывоза товаровъ запретилъ вывозить золото и серебро [1]). Порча монеты Филиппомъ Красивымъ продолжается и впослѣдствіи, совершаясь черезъ каждыя нѣсколько лѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ появляется цѣлый рядъ ордонансовъ, которыми запрещается вывозъ монеты [2]). Такъ въ 1304 г. запрещенъ вывозъ золота и серебра въ сосудахъ, слиткахъ, французскихъ и иностранныхъ монетахъ, безъ особаго разрѣшенія короля, но исключеніе дѣлается въ пользу вновь выпущенной монеты: иностраннымъ купцамъ предоставлено вывозить «pecunias nostras modernas aureas argenteas et nigras», полученныя ими за ввезенные товары, поскольку ввозъ послѣднихъ не запрещенъ [3]). То же самое повторяется въ ордонансахъ 1309, 1322 и 1332 гг. и др.: запрещается вывозъ слитковъ, золотой и серебряной утвари, но вывозъ извѣстныхъ сортовъ монеты, именно испорченной монеты, безусловно свободенъ [4]). Въ ордонансѣ 1332 г., изданномъ при Филиппѣ VI, говорится, что деньги, полученныя за продажу ввезеннаго сукна, мѣховъ и лошадей, можно вывозить изъ страны, но только въ французскихъ монетахъ, а не въ иностранныхъ [5]).

Въ Испаніи порча монеты была еще болѣе частымъ явленіемъ, чѣмъ во Франціи. Альфонсъ XI, Санчо IV, Фердинандъ IV, Генрихъ II, Іоаннъ I и Генрихъ IV (XIII—XV вѣка)—всѣ эти короли Кастиліи занимались выпускомъ неполновѣсной монеты. Въ Арагоніи это труднѣе было дѣлать, ибо земскіе чины пользовались значительной властью, но все же и здѣсь нѣкоторые короли ухитрялись уменьшать содержаніе металла въ монетѣ [6]). Лучшая монета, конечно, уходила заграницу, а худшая оставалась въ странѣ; этому старались воспрепятствовать запрещеніемъ вывоза монеты. Такое запрещеніе встрѣчается въ 1315 году, а затѣмъ повторяется въ 1455 г., въ 1480 г. и въ другіе годы. Несмотря на жестокія наказанія, и здѣсь эти запрещенія не достигали своей цѣли [7]).

---

[1]) Clamageran. T. I, p. 310.

[2]) Levasseur. T. I. 2-e. éd. p. 385—390. 673—676.

[3]) Lexis. Handelspolitik Handwört. d. Staatswiss. B. IV.

[4]) Lexis. Münzwesen. Ibid. B. V. Clamageran T. I. passim.

[5]) Lexis. Handelspolitik. Ibid.

[6]) Goury du Roslan. Essai sur l'histoire économique de l'Espagne. Paris. p. 313—314.

[7]) Goury du Roslan. p. 315—316.

Въ Англіи запрещенія вывоза денегъ имѣютъ такое же значеніе, какъ и соотвѣтствующія имъ запрещенія вывоза товаровъ. Порча монеты въ Англіи не практиковалась въ значительныхъ размѣрахъ; по крайней мѣрѣ до Генриха VIII, т. е. до XVI вѣка, англійскіе короли не эксплоатировали подобнымъ образомъ монетной регаліи. Поэтому (неоднократно повторяющіяся) запрещенія вывоза золота и серебра въ монетѣ и слиткахъ издавались лишь ради того, чтобы дѣлать исключенія изъ общаго правила, продавая лиценціи на вывозъ денегъ изъ страны. Установленъ былъ цѣлый рядъ исключеній, которыми сила запрещеній совершенно парализовалась. Запрещенія вывоза не могли имѣть здѣсь какого-либо иного значенія, преслѣдовать самостоятельную цѣль невывоза денегъ изъ страны, какъ это было во Франціи и Испаніи по отношенію къ лучшимъ сортамъ монеты, уже потому, что эти запрещенія не относились ко всѣмъ „извѣстнымъ“ купцамъ (mercatores notorii), которымъ предоставлялся безпрепятственный вывозъ монеты и слитковъ [1]).

Протекціоннаго характера запрещенія вывоза денегъ изъ страны и впослѣдствіи не имѣли. Эти запрещенія либо вовсе отмѣнялись, какъ это было въ Англіи, гдѣ запрещеніе уничтожено въ 1663 г. [2]), либо попрежнему находились въ связи съ порчей монеты, какъ это видимъ въ Германіи, Австріи и Испаніи, гдѣ номинальная цѣна монеты и впослѣдствіи сильно расходилась съ ея дѣйствительной стоимостью. Этимъ-то и объясняется запрещеніе императора 1524 г. вывозить золото и серебро въ слиткахъ, повторяющееся въ 1571 г., а также запрещенія вывоза, установленныя въ отдѣльныхъ германскихъ государствахъ. Такъ, въ австрійскомъ постановленіи 1616 года прямо говорится, что запрещенъ вывозъ золота и серебра въ слиткахъ и въ полноцѣнной монетѣ. Въ концѣ XVII вѣка это запрещеніе подтверждается, и принимаются крутыя мѣры къ осуществленію его. Купцы, ввозящіе товары въ Австрію, обязаны обмѣнивать полученную при продажѣ полноцѣнную монету на худшіе сорта. Производится тщательный осмотръ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, на которыхъ падаетъ подозрѣніе, на что иностранные посланники постоянно жалуются. Въ 1710, 1714 и 1723 гг. вновь издаются запрещенія этого рода,—повидимому, принятыя мѣры не приводили къ цѣли [3]). Курфюрстъ саксонскій запрещаетъ въ 1621 г. вывозъ золота, серебра и полновѣсной монеты, возобновляя запрещеніе, изданное еще при его предшественникѣ [4]). Въ Бранденбургѣ въ XVI и XVII вѣкахъ запрещенъ вывозъ

---

[1]) Ochenkowski. S. 204- 205.

[2]) Янжулъ. Англійская свободная торговля. Т. I. Москва. 1876, стр. 84.

[3]) Falke. Geschichte des deutschen Zollwesens. S. 246. 253— 54.

[4]) Ibid. S. 259.

какъ слитковъ, такъ и лома и „твердой“, т. е. полновѣсной монеты [1]). Фридрихъ Великій чеканитъ неполновѣсную монету во время семилѣтней войны, послѣ войны низводитъ ея номинальную цѣну до дѣйствительной стоимости, а въ 1766 году издаетъ запрещеніе вывозить фридрихсдоры высокаго достоинства, иностранную монету и полновѣсную серебряную, но дукаты разрѣшаетъ вывозить [2]). Въ Испаніи въ XVII вѣкѣ также дозволяется вывозить неполновѣсную монету, тогда какъ за вывозъ полноцѣнной законъ грозитъ смертной казнью [3]).

IV.

Какъ мы указали выше, протекціонизмъ XVII—XVIII столѣтій есть не что иное, какъ продолженіе политики, которой придерживались города въ средніе вѣка. Но торговая политика вообще и таможенная политика въ частности XVII—XVIII столѣтій не исчерпывается вся протекціонизмомъ, покровительствомъ туземной промышленности и торговлѣ. Къ прежнему протекціонизму присоединяется стремленіе къ увеличенію денежнаго обращенія въ странѣ. Поэтому политика XVII—XVIII столѣтій является меркантильной, а не только протекціонной, какъ это было въ предыдущія столѣтія. Эта меркантильная политика содержитъ въ себѣ протекціонизмъ, какъ составную часть, и Шмоллеръ ошибается, не замѣчая этого существеннаго различія между меркантильной политикой XVII—XVIII столѣтій и протекціонной политикой среднихъ вѣковъ.

Вслѣдствіе стремленія къ увеличенію запаса золота и серебра, въ XVII—XVIII вѣкахъ появляются вывозныя пошлины, преслѣдующія самостоятельную цѣль уменьшенія вывоза сырыхъ матеріаловъ, ибо, будучи превращены въ фабрикаты, тѣ же продукты оцѣниваются значительно выше и, слѣдовательно, доставляютъ вывозящей ихъ странѣ гораздо большую сумму денегъ.

Если затрудненіе ввоза фабрикатовъ и вывоза сырыхъ матеріаловъ должно было привести къ благопріятному торговому балансу, то, наоборотъ, запрещеніемъ вывоза денегъ цѣль эта не достигалась, и поэтому эти запрещенія, какъ мы указали выше, либо вовсе отмѣняются, либо сохраняютъ попрежнему фискальный характеръ. Многіе финансисты и экономисты придерживаются противоположнаго взгляда, основываясь на теоріяхъ нѣкоторыхъ меркантилистовъ, которые рекомендуютъ запрещеніе вывоза денегъ, какъ средство для увеличенія количества ихъ въ странѣ. Такіе выводы допускаетъ, напр., еще Кауцъ въ своей исторіи экономической науки, называя писате-

[1]) Lexis. Ausfuhrzölle. Handwört. B. II (2 Aufl.).
[2]) Lexis. Handelspolitik. Handwört. B. IV.
[3]) Conrad. Nationaloekonomie. 3 Aufl. Iena. 1900. S. 314.

лей, высказывающихся за запрещеніе вывоза денегъ, истинными меркантилистами. Тѣхъ писателей, которые стоятъ за свободу вывоза денегъ изъ страны, онъ, правда, не исключаетъ изъ числа меркантилистовъ, такъ какъ они вмѣстѣ съ тѣмъ являются сторонниками увеличенія денегъ въ странѣ и теоріи торговаго баланса, но усматриваетъ противорѣчіе въ ихъ взглядахъ. При разсмотрѣніи каждаго изъ нихъ Кауцъ указываетъ на то, что экономистъ, ученіе котораго онъ подвергаетъ критическому анализу, хотя и придерживается теоріи торговаго баланса и смѣшиваетъ деньги съ богатствомъ, но все же не признаетъ необходимости запрещенія вывоза денегъ, слѣдовательно, по мнѣнію Кауца, разсуждаетъ непослѣдовательно и отклоняется отъ чистой теоріи меркантилизма. Этотъ взглядъ на запрещенія вывоза денегъ, какъ важную составную часть меркантильной политики и основной догматъ меркантилизма, является до сихъ поръ господствующимъ въ экономической наукѣ. Эйзенгартъ въ своей исторіи политической экономіи заходитъ даже такъ далеко, что усматриваетъ и въ выпускѣ неполноцѣнныхъ монетъ одно изъ средствъ меркантильной политики къ увеличенію запаса денегъ въ странѣ, хотя самъ же указываетъ на то, что пониженіе цѣнности монеты практиковалось еще въ XII-мъ вѣкѣ, почему Данте и помѣстилъ Филиппа Красиваго въ аду, какъ фальшивомонетчика [1]).

Въ дѣйствительности лишь немногіе, наиболѣе крайніе, но наименѣе послѣдовательные меркантилисты, главнымъ образомъ, писатели XVI-го вѣка, высказываются въ пользу запрещенія вывоза денегъ, ради увеличенія этимъ путемъ денежнаго запаса въ странѣ. Мнѣніе этихъ писателей не нашло себѣ, однако, отклика въ таможенной политикѣ государствъ. Только Сюлли послѣдовалъ ихъ совѣту, запретивъ вывозъ денегъ не ради облегченія выпуска неполноцѣнныхъ денегъ, какъ это бывало во всѣхъ прочихъ случаяхъ, а для сохраненія денегъ въ странѣ. Но Сюлли и не имѣлъ въ виду увеличенія запаса денегъ въ странѣ, онъ покровительствовалъ не промышленности и внѣшней торговлѣ, а сельскому хозяйству, такъ что его политика ничего общаго не имѣла съ политикой Кольбера и Кромвеля, Фридриха Великаго и Маріи-Терезіи, и едва ли можно вообще относить Сюлли къ числу меркантилистовъ. Наоборотъ, главные представители меркантилизма, наиболѣе выдающіеся теоретики того времени, добившіеся реформъ и въ таможенномъ законодательствѣ XVII—XVIII вѣковъ, возстаютъ противъ запрещеній вывоза золота и серебра въ монетѣ и слиткахъ, какъ и противъ порчи монеты, ибо эти мѣры идутъ въ разрѣзъ съ политикой, направленной на увеличеніе количества денегъ въ странѣ.

Нападками на англійскую остъ-индскую компанію, которая вы-

[1]) Eisenhart. Geschichte der Nationaloekonomie, 2 Aufl. 1901. S. 13.

возила деньги изъ Англіи, ибо привозъ изъ Индіи превышалъ вывозъ англійскихъ товаровъ въ Индію, было вызвано нѣсколько сочиненій, доказывавшихъ, что вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ въ Индію выгоденъ потому, что товары привозимые оттуда, по большей части вывозятся въ другія страны, отъ которыхъ получается гораздо большее количество металла, чѣмъ сколько надо было уплатить за нихъ въ Индіи [1]). Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ сочиненій является книга директора остъ-индской компаніи Томаса Мэна, наиболѣе важнаго изъ англійскихъ меркантилистовъ. «Главная заслуга Мэна—говоритъ И. И. Янжулъ—состоитъ именно въ томъ, что прослѣдивши ходъ торговли, онъ сумѣлъ доказать, что вывозъ или временная потеря денегъ можетъ вести къ большей будущей выгодѣ... Мэнъ считаетъ даже въ высшей степени выгоднымъ для Англіи вывозъ денегъ и пріобрѣтеніе на мѣсто ихъ иностранныхъ товаровъ для выгодной перепродажи ихъ въ другихъ странахъ. Деньги создаютъ торговлю, а торговля увеличиваетъ деньги, таково его положеніе. Поэтому, чѣмъ больше денегъ пускается въ оборотъ, тѣмъ лучше“ [2]). Эти идеи дѣйствительно имѣли успѣхъ: въ 1663 году палата общинъ отмѣнила статуты, запрещающіе вывозъ иностранной монеты и металла, и дала полную свободу остъ-индской компаніи и частнымъ лицамъ вывозить деньги въ неограниченномъ количествѣ [3]). Той же доктрины придерживаются и другіе англійскіе меркантилисты XVII-го вѣка, Джозія Чайльдъ и Вилліямъ Петти. Они также усматриваютъ въ увеличеніи количества денегъ возрастаніе богатства страны, но находятъ, что страна не можетъ только вывозить товары въ другую страну, а принуждена, въ свою очередь, и у нея пріобрѣтать товары, а слѣдовательно, и вывозить деньги, и что вывозъ денегъ не уменьшаетъ количества ихъ въ странѣ, а, наоборотъ, служитъ средствомъ къ ихъ увеличенію [4]).

Важнѣйшимъ итальянскимъ меркантилистомъ является Антоніо Серра, сочиненіе котораго относится къ 1613 г. Серра считаетъ золото и серебро важнѣйшими и необходимѣйшими факторами народнаго богатства и придаетъ промышленности обрабатывающей, въ противоположность земледѣлію, особенное значеніе, но высказывается противъ системы ограниченій и запрещеній, въ особенности порицаетъ запрещеніе вывоза денегъ, доказывая, что такія запрещенія имѣютъ вредное вліяніе на торговлю [5]). Нѣмецкій меркантилистъ Юсти также

[1]) Янжулъ. Англійская свободная торговля. Т. I. Москва, 1876, стр. 75.

[2]) Янжулъ, т. I. стр. 75, 77—78.

[3]) Янжулъ, т. I стр. 84.

[4]) Kautz. Theorie und Geschichte der Nationaloekonomie. T. II. B. I. Wien. 1860. S. 280. 311 и сл. Янжулъ, т. I. стр. 85 и сл.

[5]) Kautz. II, 1. S. 266.

преувеличиваетъ значеніе золота и серебра и количества денегъ, обращающихся въ странѣ, но и онъ возстаетъ противъ монополій, торговыхъ компаній и другихъ мѣропріятій, приводящихъ къ стѣсненію экономической жизни, а запрещеніе вывоза денегъ признаетъ мѣрой таможенной политики столь же безсмысленной, какъ и неисполнимой [1]). Во Франціи, наконецъ, уже первый меркантилистъ Жанъ Боденъ въ своемъ знаменитомъ трактатѣ о причинахъ повышенія цѣнъ возстаетъ противъ запрещеній вывоза золота и серебра, указывая на то, что въ дѣйствительности на нихъ по необходимости никто вниманія не обращаетъ [2]). Писавшій въ концѣ XVI-го вѣка французскій меркантилистъ Бартелеми де Лаффема усматривалъ въ развитіи производства тонкихъ тканей несравненно лучшее средство для того, чтобы имѣть возможность покупать товары у иностранцевъ, не тратя собственныхъ денегъ, чѣмъ въ запрещеніи вывоза денегъ изъ страны [3]).

Существуетъ еще и другое недоразумѣніе относительно таможенной политики меркантилизма.

Со времени Адама Смита вплоть до недавняго времени господствовалъ взглядъ на меркантилизмъ, какъ на политику, исходящую изъ того принципа, что все богатство страны заключается въ драгоцѣнныхъ металлахъ, и направленную исключительно къ возможно большему накопленію этихъ металловъ въ странѣ путемъ выгоднаго торговаго баланса. Противъ этого основного пункта программы меркантилистовъ возражали, что богатство заключается въ развитіи земледѣлія, промышленности и торговли, а вовсе не въ золотѣ, что увеличеніе количества драгоцѣнныхъ металловъ не создаетъ богатства и вообще не приводитъ ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ послѣдствіемъ увеличенія количества денегъ въ странѣ является уменьшеніе ихъ цѣнности, а слѣдовательно, и отливъ ихъ въ тѣ страны, гдѣ цѣнность ихъ выше, наконецъ, что о приливѣ денегъ въ страну свидѣтельствуетъ не торговый, а платежный балансъ, тогда какъ торговый балансъ не имѣетъ никакого значенія. Въ настоящее время этотъ взглядъ на меркантилизмъ долженъ считаться устарѣвшимъ. Современная экономическая наука признаетъ, что и меркантилизмъ, какъ и всѣ другія системы экономической политики, имѣлъ въ свое время извѣстныя раціональныя основанія.

Въ настоящее время въ меркантилизмѣ усматриваютъ систему экономической и финансовой политики XVII—XVIII вѣковъ стремившуюся не только къ привлеченію денегъ въ страну, но и къ развитію промышленности и торговли, техники, финансовъ, къ насажденію новыхъ от-

---

[1]) Ibid., стр. 293.
[2]) Kautz. S. 271.
[3]) Leser. Merkantilsystem, Handwört. B. V.

раслей промышленности, къ улучшенію путей и средствъ сообщенія мѣръ и вѣсовъ и т. п. [1]); признаютъ далѣе, что въ тѣ времена, когда совершался переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, увеличеніе количества денегъ, обращающихся въ странѣ, было безусловной необходимостью: въ средніе вѣка золото и серебро обращались въ количествѣ очень ограниченномъ, и стремленіе къ привлеченію денегъ, обнаруживавшееся въ различныхъ европейскихъ странахъ, привело къ отливу ихъ изъ Испаніи, гдѣ онѣ первоначально накоплялись, и къ распространенію ихъ по всей Европѣ, а слѣдовательно, къ большему уравненію цѣнности денегъ въ различныхъ странахъ [2]); наконецъ, въ настоящее время соглашаются и съ тѣмъ, что выгодный торговый балансъ является отчасти показателемъ увеличенія богатствъ въ странѣ-поскольку страна въ обмѣнъ за вывозимые ею товары пріобрѣтаетъ другіе товары, болѣе высокой цѣнности; подтвержденіемъ этого положенія служитъ то, что дѣйствительно одновременно съ отливомъ золота и серебра изъ Испаніи уменьшилась и ея покупная сила, тогда какъ покупная способность другихъ странъ возросла [3]).

Если, такимъ образомъ, современные представители экономической науки признаютъ, что меркантильная система имѣла въ свое время raison d'être, то они всетаки до сихъ поръ придерживаются того мнѣнія, что поскольку рѣчь идетъ объ увеличеніи количества обращающейся въ странѣ монеты, торговый балансъ не является удовлетворительнымъ показателемъ притока и отлива денегъ, ибо, съ одной стороны, страна уплачиваетъ не только за привезенные товары, но и за другія полученныя ею цѣнности, именно въ формѣ процентовъ и погашенія за заключенные заграницей займы, въ видѣ доходовъ съ иностранныхъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ другихъ странахъ, поскольку эти доходы вывозятся заграницу, за услуги, оказываемыя ей другой страной перевозомъ ея товаровъ на своихъ судахъ, а съ другой стороны -страна уплачиваетъ за все это не только вывозимыми ею товарами и деньгами, но и различными цѣнными бумагами, векселями, облигаціями и услугами, оказываемыми ею другимъ странамъ, въ особенности также перевозкой иностранныхъ товаровъ. Изъ этого дѣлаютъ выводъ, что, слѣдовательно, не торговый балансъ, а платежный балансъ имѣетъ значеніе, являясь показателемъ притока или отлива монеты, и, стало быть, меркантилисты въ этомъ отношеніи допустили крупную ошибку. Поскольку рѣчь идетъ о настоящемъ времени, указаніе на платежный

---

[1]) Bücher. Entstehung des Volkswirtschaft. 2 Aufl. Tübingen 1898.. S.110—111. Schmoller. Umrisse und Untersuchungen. Art. I.

[2]) Eisenhart. Geschichte der Nationaloekonomie. 2 Aufl. Jena. 1901. S. 11 - 12. Bücher. S. 111. Scheel. Handelsbilanz. Handwört. der Staatswiss. B. IV.

[3]) Lexis. Handelspolitik. Handwört. B. IV. Eisenhart S. 24—25.

балансъ, конечно, правильно, но для того, чтобы судить о правильности или неправильности меркантильной системы, надо имѣть въ виду не современную эпоху, а тотъ періодъ, въ который теорія меркантилизма была установлена и примѣнялась на практикѣ. Необходимо далѣе имѣть въ виду и другіе пункты ученія меркантилистовъ, дополнявшіе ученіе о торговомъ балансѣ.

По отношенію къ услугамъ, оказываемымъ одной страной другимъ посредствомъ перевозки иностранныхъ товаровъ на своихъ судахъ, меркантилисты поступали дѣйствительно совершенно правильно, стараясь всячески затруднить перевозку своихъ товаровъ на чужихъ судахъ, слѣдовательно, понимали, что это обстоятельство вліяетъ на количество денегъ въ странѣ. Навигаціонный актъ Кромвеля 1651 г. допускаетъ транспортъ товаровъ въ торговлѣ съ Азіей, Африкой и Америкой исключительно на національныхъ судахъ, европейскіе же товары могутъ быть ввозимы въ Англію либо на англійскихъ судахъ, либо (съ уплатой болѣе высокой пошлины) на судахъ той страны, гдѣ они построены, причемъ подъ національными судами понимаются лишь такія, которыя принадлежатъ англичанамъ, и на которыхъ капитанъ и три четверти экипажа англійскіе подданные [1]). Во Франціи въ 1659 году введено «droit de fret», дифференціальная пошлина въ размѣрѣ 50 су съ тонны, взимавшаяся съ иностранныхъ судовъ при ввозѣ и вывозѣ товаровъ и просуществовавшая до революціи, причемъ и здѣсь иностранными судами назывались всѣ тѣ, которыя не были построены во Франціи, и экипажъ которыхъ не состоялъ, по крайней мѣрѣ, на двѣ трети изъ французовъ. При Кольберѣ были учреждены преміи для покровительства французскому судостроенію, преміи выдавались и на суда, купленныя заграницей и не только французскимъ подданнымъ, но и иностранцамъ, поселившимся во Франціи [2]), слѣдовательно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда доходы, выручаемые отъ судоходства и транспорта товаровъ, оставались во Франціи и увеличивали количество обращавшейся въ странѣ монеты.

По вопросу о мѣстѣ заключенія займовъ меркантилисты придерживались того взгляда, что займы должны быть исключительно внутренними. Если бы даже эти займы были заключены на менѣе выгодныхъ условіяхъ, сравнительно съ иностранными займами, то все же этимъ путемъ сохраняются деньги въ странѣ. Монтескье, Форбонэ, Рейналь и др. усматриваютъ во внѣшнихъ займахъ ущербъ для государства [3]). И такой политики придерживались и на практикѣ.

---

[1]) Lexis. Schiffahrt. Handwört. B. VI. Roscher. III. S. 566.
[2]) Lexis. Schiffahrt. Handwört. B. VI.
[3]) Roscher. Finanzwissenschaft T. II. S. 209.

Фридрихъ Великій заключаетъ займы и въ 1745 г. и въ 1756 г. внутри страны, для того, чтобы не приходилось платить процентовъ иностранцамъ. Первымъ внѣшнимъ займомъ долженъ считаться заемъ 1792 г. въ размѣрѣ 1 милліона гульденовъ, заключенный на короткій срокъ [1]). Въ Вюртембергѣ также пользовались исключительно внутренними капиталами. Если облигація переходила по наслѣдству къ иностранцу, ее немедленно погашали [2]). Англія въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкахъ, правда, заключала и внѣшніе займы, главнымъ образомъ, въ Голландіи, однако, эти займы, сравнительно съ внутренними долгами англійскому банку и остъ-индской компаніи, были незначительны, именно въ 1778 году они составляли менѣе ⅛ всего государственнаго долга. Громадное возрастаніе англійскаго долга съ 239 милліоновъ фунтовъ стерл. до 537 милл., совершавшееся съ 1792 по 1802 г., произошло исключительно путемъ внутреннихъ займовъ, такъ что въ 1806 году внѣшній долгъ равнялся лишь $^1/_{25}$ всей суммы государственнаго долга [3]). Даже въ Испаніи, странѣ небогатой капиталами, изъ 6,800 милл. реалей, составлявшихъ въ 1808 году государственный долгъ, лишь 200 милл., т. е. $^1/_{34}$, принадлежали иностранцамъ [4]).

Что же касается двухъ другихъ моментовъ, вліяющихъ нынѣ на платежный балансъ, платежей векселями и пересылки доходовъ, полученныхъ въ другихъ странахъ, то въ XVII—XVIII вѣкахъ на нихъ вниманія не обращалось по той простой причинѣ, что въ то время они значенія не имѣли.

Хотя тратта и становится въ XVI и XVII вѣкахъ общеупотребительнымъ средствомъ уплаты въ международныхъ платежахъ, но все же ею пользуются далеко не въ столь обширныхъ размѣрахъ, какъ въ XIX-мъ вѣкѣ, тѣмъ болѣе, что увѣренность въ уплатѣ по векселю въ тѣ времена была незначительна, обращаемость его очень ограничена. Индоссація векселя, благодаря которой онъ пріобрѣтаетъ большую обезпеченность, была либо вовсе запрещена, какъ во многихъ итальянскихъ статутахъ XVII и XVIII вѣка, либо обставлена такими затрудненіями, что говорить о ней по отношенію къ XVII—XVIII стол. можно лишь, какъ объ исключительномъ явленіи. Дисконтированіе частныхъ векселей, благодаря чему значительно увеличивается обращаемость векселя, было также далеко не обычнымъ явленіемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ считалось даже позорнымъ [5]).

---

[1]) Roscher. Ibid. Cohn. S. 690—692.

[2]) Roscher. Ibid. T. 2 S. 269.

[3]) Ibid., T. 1. S. 270. Cohn. S. 680—686.

[4]) Roscher. Finanzwissenschaft I. S. 270.

[5]) Goldschmidt, Universalgeschichte des Handelsrechts. T. I. Stuttgart. 1891. S. 447—449. Roscher. B. III 7 Aufl. S. 344. 348—349 Anm. 8, 9.

Иностранными капиталами, правда, и въ тѣ времена пользовалась промышленность, въ особенности гугеноты, переселявшіеся изъ Франціи въ Нидерланды, Англію, Швейцарію, германскія государства, перевозили съ собою не только техническія и коммерческія свѣдѣнія, но и болѣе или менѣе значительные капиталы. Но разница, сравнительно съ XIX вѣкомъ, заключалась въ томъ, что доходы, которые получались съ этихъ иностранныхъ капиталовъ, въ тѣ времена не уходили заграницу, ибо промышленники вмѣстѣ съ перемѣщеніемъ капиталовъ и сами селились въ новомъ мѣстѣ, слѣдовательно, выручаемые ими доходы и оставались въ той странѣ, гдѣ они были получены.

Такимъ образомъ, упрекъ, дѣлаемый меркантилистамъ, будто бы они смѣшивали торговый балансъ съ платежнымъ, неосновательенъ: нѣкоторыя изъ тѣхъ условій, которыя имѣютъ значеніе въ настоящее время, не играли роли въ ту эпоху, другія же принимались во вниманіе меркантилистами. Они понимали, что не только торговый балансъ, но и платежи по транспорту товаровъ и по уплатѣ процентовъ за заключенные государствомъ займы вліяютъ на приливъ или отливъ металла изъ страны, почему придерживались и въ этихъ вопросахъ соотвѣтствующей политики, хотя терминъ „платежный балансъ“ и былъ имъ неизвѣстенъ.

V.

Цѣль запрещеній вывоза и установленія вывозныхъ пошлинъ господствующая теорія усматриваетъ въ желаніи государствъ сохранить въ странѣ производимые въ ней продукты и удешевить ихъ, къ каковой цѣли въ XVII и XVIII вѣкахъ присоединилось стремленіе уменьшить вывозъ сырья, ради обезпеченія туземной промышленности необходимымъ ей матеріаломъ, и сократить или совершенно устранить вывозъ хлѣба для удешевленія его въ интересахъ той же промышленности, которая при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ могла имѣть рабочихъ за дешевую плату. Мы показали выше, что запрещенія вывоза и вывозныя пошлины имѣли первоначально исключительно фискальный характеръ, что только впослѣдствіи, въ XVII и XVIII вѣкахъ ими воспользовались въ цѣляхъ протекціонизма и меркантилизма, поскольку дѣло касается сырыхъ матеріаловъ и полуфабрикатовъ. Иное дѣло по отношенію къ вывозу хлѣба. И запрещенія вывоза хлѣбныхъ продуктовъ, какъ и вывозныя пошлины на нихъ, преслѣдовали первоначально фискальныя цѣли, о чемъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ [1]), причемъ характеръ этихъ мѣръ не измѣнился и впослѣдствіи. Въ XVII и XVIII вѣкахъ, какъ и ранѣе, въ средніе вѣка и въ XVI вѣкѣ, вывозъ хлѣба запрещается не ради сохраненія запасовъ въ странѣ, а лишь для того, чтобы вы-

[1]) См. мою статью „Хлѣбная торговля въ средніе вѣка“ въ „Народномъ Хозяйствѣ“. 1900 г. №№ 3 и 4.

давать лиценціи и, слѣдовательно, получать доходъ съ вывоза хлѣба, который въ дѣйствительности и происходитъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ короли и князья, папа и духовенство попрежнему торгуютъ хлѣбомъ и извлекаютъ изъ этой торговли значительный доходъ.

Объясняется эта политика, допускавшая вывозъ хлѣба даже во время голодовокъ, какъ это было и въ средніе вѣка, и вліявшая въ отрицательномъ смыслѣ на торговый балансъ, слѣдовательно, противорѣчившая меркантильной политикѣ, тѣмъ обстоятельствомъ, что, въ противоположность вывозу другихъ сырыхъ продуктовъ, сильные міра сего, владѣвшіе огромными доменами и получавшіе доходы съ нихъ въ видѣ сырыхъ продуктовъ и, прежде всего, въ хлѣбѣ, были заинтересованы въ вывозѣ его изъ страны туда, гдѣ цѣны на хлѣбъ стояли въ данное время высоко. Разница въ хлѣбныхъ цѣнахъ въ разныхъ странахъ была и въ эту эпоху очень и очень значительна; поэтому правительственная власть либо сама занималась хлѣбнымъ экспортомъ, либо выдавала лиценціи на вывозъ его купцамъ, скупавшимъ хлѣбъ и вывозившимъ его изъ страны. Правда, рядомъ съ запрещеніями вывоза, направленными къ указанной цѣли, мы находимъ въ эту эпоху и такія, которыми дѣйствительно имѣлось въ виду устранить вывозъ хлѣба, почему въ этихъ случаяхъ лиценцій не выдавалось. Но такой образъ дѣйствій встрѣчается въ видѣ исключенія. Только выдающіеся государственные люди, какъ Кольберъ во Франціи, Струензе въ Даніи, лично не заинтересованные въ сбытѣ хлѣба, издавали запрещенія или устанавливали вывозныя пошлины въ интересахъ страны, когда возрастаніе хлѣбныхъ цѣнъ этого требовало. Но и преслѣдуемыя ими цѣли не всегда достигались вслѣдствіе злоупотребленій чиновниковъ, которые смотрѣли сквозь пальцы на вывозъ хлѣба, если они получали достаточную мзду.

Во Франціи послѣ смерти Кольбера въ 1683 году возобновилась прежняя фискальная политика въ отношеніи вывоза хлѣба. Спекулянты—говоритъ Naudé—добывали себѣ лиценціи у провинціальныхъ интендантовъ и при ихъ содѣйствіи вывозили хлѣбъ, хотя оффиціально вывозъ былъ запрещенъ. Мало того, «народъ обвинялъ правительство и самого короля въ спекуляціи хлѣбомъ, въ томъ, что король скупалъ хлѣбъ ради увеличенія своихъ доходовъ и въ ущербъ населенію». Утверждали также, что любимцамъ короля тайно разрѣшалось вывозить хлѣбъ изъ страны. Это продолжалось въ теченіе всего XVIII вѣка, несмотря на постоянный голодъ въ странѣ и возстанія голодающаго населенія, и лишь незадолго до революціи въ 1774 году, когда голодныя массы стали уже грабить пекарни въ Парижѣ, Людовикъ XVI—говоритъ Naudé—отказался на будущее время отъ скупки хлѣба на собственный счетъ[1]).

[1]) Acta Borussica. Getreidehandelspolitik. I. Naudé. p. 3 sqq. 62—64.

Въ Швеціи не только Густавъ-Адольфъ, но и Карлъ XI (1660—1697) торговалъ хлѣбомъ, запрещая вывозъ его изъ страны. Во время голода онъ, правда, открывалъ свои амбары, продавая хлѣбъ по пониженнымъ цѣнамъ, а иногда и отдавая его даромъ, очевидно, изъ боязни мятежей, но въ другіе годы онъ занимался вывозомъ хлѣба въ обширныхъ размѣрахъ, почему и получилъ прозвище «главнаго торговца хлѣбомъ въ странѣ». Да это и неудивительно: въ Лифляндіи изъ пяти тысячъ гакеновъ земли четыре тысячи составляли домены короля; домены давались въ аренду по высокой цѣнѣ, и часть арендной платы вносилась хлѣбомъ. Эстляндія уплачивала, кромѣ того, королю ежегодно 13,224$^{7}/_{10}$ тоннъ хлѣба [1]).

То же, но въ еще большихъ размѣрахъ, происходило въ итальянскихъ государствахъ, въ Папской области, въ Неаполѣ и Сициліи. Когда князья, кардиналы и т. д. желали пріобрѣтать хлѣбъ по дешевой цѣнѣ для вывоза, они запрещали вывозить его якобы для того, чтобы увеличить запасы въ магазинахъ на случай голода. Вслѣдствіе запрещенія вывоза цѣна на хлѣбъ понижалась, и они, скупивъ хлѣбъ по низкой цѣнѣ, продавали его въ другихъ странахъ, выручая огромные барыши, причемъ подобныя операціи производились и въ годы неурожаевъ. Запрещенія вывоза хлѣба издавались и ради купцовъ, занимавшихся вывозомъ хлѣба и дѣлившихъ прибыль съ вліятельными лицами, которыя дѣлали для нихъ исключенія [2]).

Рядомъ съ этой фискальной политикой возникаетъ, однако, въ нѣкоторыхъ странахъ въ XVII вѣкѣ политика протекціонная, но не въ томъ смыслѣ, какъ это обыкновенно понимаютъ, будто бы установлены были ввозныя пошлины ради сохраненія хлѣба въ странѣ, слѣдовательно, ради покровительства промышленности; напротивъ, установлены были пошлины на ввозъ хлѣба ради покровительства землевладѣнію. Землевладѣльческій классъ добивается постепенно замѣны запрещеній вывоза низкими вывозными пошлинами, а затѣмъ и полной отмѣны послѣднихъ и уничтоженія всѣхъ стѣсненій вывоза, и, наконецъ, ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ, которыя постепенно все возрастаютъ. Такой аграрный протекціонизмъ мы находимъ въ XVII вѣкѣ въ Англіи и Саксоніи, въ XVIII вѣкѣ въ Нидерландахъ и Пруссіи.

Уже съ начала XV вѣка англійскій парламентъ дѣлаетъ попытки положить конецъ запрещеніямъ вывоза хлѣбныхъ продуктовъ и лиценціямъ короля, требуя права свободнаго вывоза для всѣхъ за опредѣленную пошлину, а не только для избранныхъ. И въ 1436 г. парламентъ дѣйствительно достигаетъ своей цѣли: вывозъ хлѣба объявляется

---

[1]) Naudé. S. 400–402.

[2]) Naudé. S. 148, 150—151, 165.

свободнымъ до тѣхъ поръ, пока цѣна на квартеръ пшеницы не превыситъ 6 шиллинговъ 8 пенсовъ и 3-хъ шиллинговъ на квартеръ ячменя. Въ 1439 году этотъ законъ былъ, правда, нарушенъ королемъ, ибо не только вывозъ хлѣба изъ страны, но и провозъ его изъ одного графства въ другое безъ королевской лиценціи былъ запрещенъ, но въ 1442 году онъ вновь возстановленъ и въ 1444 году объявленъ вѣчнымъ. Съ 90-хъ годовъ XV вѣка впрочемъ, снова появляются королевскія лиценціи, а въ 1554 году, когда законы 1436 и 1444 гг. были вновь подтверждены, цѣны на хлѣбъ стояли значительно выше 6²/₃ шилл., такъ что разрѣшеніе вывоза на такихъ условіяхъ не имѣло никакого значенія. Такой же характеръ имѣетъ добавленіе къ этому закону, изданное въ 1463 году, на основаніи котораго въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣна на хлѣбъ ниже 6²/₃ шилл. на квартеръ пшеницы (3 шилл. на ячмень и 4 шилл. на рожь), не только свободенъ вывозъ, но и запрещенъ ввозъ хлѣба, ибо въ XV-мъ вѣкѣ, когда цѣны стояли низко, законъ игнорировался, да въ тѣ времена въ немъ и не было надобности, а въ XVI вѣкѣ—цѣны были несравненно выше, и запрещеніе не оказывало никакого вліянія, такъ какъ нисколько не охраняло мѣстныхъ производителей отъ иностранной конкурренціи; оффиціально отмѣнено оно было, однако, лишь въ 1624 году [1]). Такимъ образомъ, первая попытка англійскихъ землевладѣльцевъ добиться свободнаго вывоза хлѣба и затруднить ввозъ путемъ установленія нормы въ 6¾ шилл. оказалась безуспѣшной.

Точно также и въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка свободнаго вывоза не существуетъ: хотя предѣльная цѣна, до которой допускается вывозъ, съ 1562 г. каждый разъ повышается, но она никогда не достигаетъ того уровня, на которомъ стоятъ хлѣбныя цѣны въ странѣ, ибо послѣднія возрастаютъ гораздо скорѣе, такъ что фактически вывозъ невозможенъ. При этомъ повышеніе цѣнъ не доставляетъ землевладѣльцамъ большаго дохода, а является просто результатомъ паденія цѣнности денегъ: въ XVI и XVII вѣкахъ, какъ извѣстно, цѣнность денегъ упала въ значительной мѣрѣ. Въ 1562 г. разрѣшенъ вывозъ хлѣбныхъ продуктовъ при цѣнѣ до 10 шилл. на квартеръ пшеницы вмѣсто прежнихъ 6¾ ш., а въ 1593 г. этотъ размѣръ удвоенъ. Между тѣмъ, уже въ 1581—1590 гг., т. е. въ то время, когда вывозить можно было лишь при цѣнѣ до 10 ш., средняя цѣна квартера пшеницы равнялась 20½ ш. Когда же предѣльная норма повышена была до 20 шилл., средняя цѣна составляла (за десятилѣтіе 1591—1600 гг.) почти 32 ш. [2]). Послѣ этого цѣна на пшеницу непрерывно повышается, тогда какъ предѣльная норма лишь въ

[1]) Naudé p. 77—79, 96.

[2]) Rogers. Six Centuries of Work and Wages. Chap. XV.

1624 г. достигаетъ 32 шилл., т. е. въ то время, когда средняя цѣна составляетъ уже 37½ ш. (1621—1630); въ 1656 году происходитъ новое повышеніе предѣльной нормы до 40 ш., но средняя цѣна на англійскомъ рынкѣ снова успѣла опередить ее: въ 1641—1650 гг. она равняется 46 ш. 1¼ пенс., въ 1651—1660 гг. 44½ ш. и лишь послѣ 1663 г., когда норма, при которой вывозъ хлѣба объявленъ свободнымъ, повышена до 48 ш., ей удается догнать цѣну на хлѣбъ, ибо послѣдняя равняется въ 1663—1672 гг. 35¾ ш. [1]), такъ что землевладѣльцы теперь только находятся у желанной цѣли: вывозъ хлѣба изъ Англіи, наконецъ то, становится свободнымъ [2]).

Но на этомъ они не останавливаются; разъ добившись свободнаго вывоза, они въ 1670 г. достигаютъ полнаго уничтоженія предѣльной цѣны, а двадцать лѣтъ спустя, въ 1689 г., и поощренія вывоза при цѣнахъ до 48 ш. за квартеръ пшеницы (32 ш. на рожь, 27 ш. на ячмень): уничтожаются существовавшія до того вывозныя пошлины (въ 1700 году онѣ отмѣняются при всякой цѣнѣ) и выдается премія въ размѣрѣ 5 ш. на квартеръ вывозимой изъ страны пшеницы (3½ ш. на рожь и 2½ ш. на ячмень), если владѣлецъ судна и не менѣе двухъ третей экипажа англійскіе подданные. Наконецъ, одновременно съ этимъ въ 1660 г. устанавливаются ввозныя пошлины на хлѣбъ; при цѣнахъ до 44 ш. на квартеръ пшеницы, 36 ш. на рожь и 28 ш. на ячмень, взимаются ввозныя пошлины въ количествѣ 2 шилл. на квартеръ пшеницы и 1⅓ ш. на квартеръ прочихъ хлѣбовъ, которыя повышены въ 1663 г. до 5⅓ ш. на пшеницу, 4 ш. на рожь и 2⅔ ш. на ячмень: такъ какъ цѣна на пшеницу въ 1660—1670 гг. не превышала 44 ш., то ввозъ хлѣба былъ въ дѣйствительности невозможенъ. Въ виду постоянныхъ жалобъ землевладѣльцевъ на низкія цѣны, въ 1670 г. изданъ былъ новый законъ, которымъ ввозъ хлѣба на продолжительное время сдѣланъ невозможнымъ: предѣльная цѣна пшеницы повышена до 80 ш., причемъ ввозная пошлина повышается съ 5⅓ ш. до 8 ш., когда же цѣна ниже 53 ш., то ввозъ облагается пошлиной въ 16 ш.

Такимъ образомъ, во второй половинѣ XVII вѣка въ англійской таможенной политикѣ относительно хлѣба происходитъ полный переворотъ: фискальныя соображенія совершенно исчезаютъ и замѣняются строго проведенной покровительственной системой по отношенію къ сельскому хозяйству; не только вывозъ совершенно свободенъ, но онъ поощряется вывозными преміями, ввозъ же почти совсѣмъ запрещенъ. Проведеніе всѣхъ этихъ мѣръ возможно было, однако, лишь потому,

---

[1]) Steffen. Studien zur Geschichte der englischen Lohnarbeiter. Stuttgart. 1901. B. I. S. 472.

[2]) Rogers. Six Centuries of Work and Wages.

что цѣна на хлѣбъ стояла низко, почему остальные классы населенія не противодѣйствовали аграрному протекціонизму. Непосредственно послѣ введенія запретительныхъ ввозныхъ пошлинъ въ 1670 г. цѣны, правда, повысились съ 36 ш. въ 1666—1672 гг. до 46 ш. въ 1673—1679 гг., но затѣмъ онѣ снова упали, понизившись въ 1686—1691 и 1692—1695 гг. до 29 ш. 5 п. и 27 ш. 7 п. Въ 1696—1699 гг. онѣ снова сильно повысились до 56½ ш., повидимому, подъ вліяніемъ установленія вывозныхъ премій въ 1689 г. Хотя при такой высотѣ цѣны преміи уже не выдавались, но въ предыдущіе годы, начиная съ 1689 г., успѣли вывезти громадное количество хлѣба изъ страны. Высокія цѣны на хлѣбъ господствуютъ вплоть до 1715 года, составляя въ среднемъ за этотъ періодъ (1693—1715) 45⅔ шилл. Но тѣ же вывозныя преміи, вызвавшія въ теченіе первой четверти вѣка своего существованія значительное повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, вслѣдствіе поощренія вывоза, оказали впослѣдствіи благопріятное вліяніе, поощряя расширеніе площади посѣвовъ и побуждая къ болѣе интенсивной культурѣ. Вслѣдствіе этого въ теченіе той же четверти вѣка господства высокихъ цѣнъ производство хлѣба постепенно увеличивается [1]), и съ 1715 года замѣчается значительное паденіе цѣнъ, которое съ 1729 года еще болѣе усиливается: цѣна равняется въ 1731—1740 гг. 30 шилл., а въ 1742—1756 гг. 24—28 ш., а въ среднемъ за пятидесятилѣтіе 1715—1765 гг. 34 ш. [2]), такъ что вывозная премія, вызвавъ улучшеніе сельскохозяйственной культуры и возрастаніе производства хлѣба, привела къ пониженію хлѣбныхъ цѣнъ.

Во второй половинѣ XVII вѣка и въ Нидерландахъ замѣчается тенденція къ аграрному протекціонизму. Въ тарифахъ 1581 и 1584 гг. вывозныя пошлины на хлѣбъ, образовавшіяся изъ прежнихъ лицензій на право вывоза, превышали вчетверо, а на пшеницу и болѣе чѣмъ въ пять разъ пошлины на ввозъ хлѣба. Но уже въ 1609, 1651 и 1655 гг. ввозныя пошлины были повышены, а въ 1669 г. землевладѣльцы Зеландіи потребовали у генеральныхъ штатовъ защиты отъ иностранной конкурренціи, которая въ 60-хъ годахъ XVII столѣтія привела къ значительному пониженію хлѣбныхъ цѣнъ: ввозныя пошлины должны быть увеличены въ полтора раза и болѣе, вывозныя же подлежатъ пониженію въ томъ же размѣрѣ, такъ что таможенные доходы государства въ результатѣ не уменьшатся. На этотъ разъ землевладѣльцы не добились, правда, повышенія ввозныхъ пошлинъ для всей страны, но для себя, т. е. для провинціи Зеландіи, ввели въ 1684 г. повышенную пошлину на хлѣбъ, ввозимый какъ изъ загра-

[1]) Anderson. Drei Schriften über Korngesetze und Grundrente. Herausgeg. von Brentano. Leipzig. 1893. Einleitung.

[2]) Tooke und Newmarch. History of Prices. Mit Zusätzen von Asher. B. I. Abt. 1 и 2.

ницы, такъ и изъ другихъ нидерландскихъ провинцій [1]). Лишь въ 1725 г. цѣль была достигнута вполнѣ, землевладѣльцы одержали побѣду: по новому тарифу, распространившемуся уже на всѣ провинціи, пошлины при ввозѣ хлѣба въ Нидерланды были увеличены втрое (на пшеницу 6 гульд вмѣсто 2 въ 1609 г. и 1½ гульд. въ 1584 г.), а вывозныя пошлины совершенно отмѣнены. Этотъ тарифъ просуществовалъ до 1810 года, былъ временно устраненъ континентальной системой, но въ 1813 г. вновь возстановленъ [2]).

Изъ германскихъ государствъ въ XVII вѣкѣ на путь аграрнаго протекціонизма вступаетъ курфюршество Саксонское. Въ 1656 году землевладѣльцамъ удалось убѣдить курфюрста запретить ввозъ хлѣба въ страну, хотя уже въ слѣдующемъ году изъ этого запрещенія былъ допущенъ рядъ исключеній въ пользу различныхъ мѣстностей, а затѣмъ въ 1659 г. запрещеніе было замѣнено ввозными пошлинами въ размѣрѣ одного процента съ шефеля пшеницы, ржи и ячменя и 8 пфен. съ шефеля овса. Этимъ землевладѣльцы, однако, не удовлетворились. Они въ 1683 г. вновь настаиваютъ на запрещеніи ввоза хлѣба изъ Богеміи, конкурренція котораго казалась имъ особенно вредной. На запрещеніе ввоза курфюрстъ не согласился, но допустилъ вчетверо и вшестеро увеличенныя пошлины на пшеницу и ячмень, смотря по тому, ввозились ли они сухимъ путемъ или водой; на рожь повышеніе было нѣсколько меньше [3]).

Примѣру Саксоніи послѣдовала въ XVIII вѣкѣ Пруссія. Борьба дворянства за свободный вывозъ хлѣба, начинающаяся еще въ XVI в., усиливается въ XVII вѣкѣ, и приводитъ къ выгоднымъ для землевладѣльцевъ результатамъ, хотя и происходитъ, какъ и въ настоящее время, подъ флагомъ защиты интересовъ крестьянъ. Во второй половинѣ XVII вѣка свобода вывоза является господствующей; поскольку же вывозъ стѣсненъ, онъ сопровождается таксами на хлѣбъ, ниже которыхъ никто не въ правѣ продавать, такъ что и въ этихъ случаяхъ землевладѣльцы ничего не теряютъ. Затѣмъ дѣлается и второй шагъ въ томъ же направленіи. Съ конца XVII вѣка раздаются требованія объ устраненіи конкурренціи польскаго хлѣба, который якобы наводняетъ страну и лишаетъ прусское дворянство возможности сбыть собственный хлѣбъ. Эти требованія землевладѣльцевъ были удовлетворены въ 1721 г., когда это оказалось необходимымъ для сохраненія прежнихъ доходовъ съ доменъ. При Фридрихѣ-Вильгельмѣ I (1713—1740) государственныя земельныя имущества были значительно расширены, составляя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бо́льшую часть поземельной соб-

---

[1]) Naudé. S. 423 и сл.

[2]) Naudé. Acta Borussica. I. S. 423—427.

[3]) Acta Borussica. B. II. S. 106—107.

ственности. Наслѣдственная аренда государственныхъ земель была замѣнена срочной, причемъ арендная плата устанавливалась въ зависимости отъ т. наз. Kammertaxe. Послѣдняя выражала собою ту предполагаемую цѣну, которую арендаторъ могъ выручить при продажѣ хлѣба и которая опредѣлялась для каждой провинціи въ отдѣльности. При повышеніи цѣнъ на хлѣбъ Фридрихъ-Вильгельмъ увеличивалъ и „Kammertaxe“, но во времена дешевизны не соглашался на пониженіе ея. Между тѣмъ, послѣ такого повышенія Kammertaxe въ первые годы послѣ вступленія его на престолъ, въ 1721 году урожай совпалъ со значительнымъ ввозомъ польскаго хлѣба, почему цѣны сильно понизились, упавъ ниже Kammertaxe. Приходилось либо понизить Kammertaxe, а слѣдовательно, и арендную плату, ибо послѣдняя вычислялась на основаніи первой, т. е. согласиться на уменьшеніе доходовъ съ доменъ, либо же принять мѣры къ повышенію хлѣбныхъ цѣнъ. О первомъ способѣ никто и не думалъ — король вовсе не желалъ сокращенія своихъ доходовъ, для увеличенія же цѣны хлѣба предлагали закупать хлѣбъ по повышенной цѣнѣ для королевскихъ хлѣбныхъ магазиновъ. Но и послѣднее средство было невыгодно для фиска: поэтому король отвергъ это предложеніе и велѣлъ обложить польскій хлѣбъ ввозной пошлиной [1]).

Такимъ образомъ, введеніе хлѣбныхъ пошлинъ въ Пруссіи находится въ тѣснѣйшей связи съ политикой короля по отношенію къ доменамъ. Изъ этого отнюдь не вытекаетъ, что аграрный протекціонизмъ только и могъ возникнуть такимъ путемъ и не былъ вызванъ болѣе глубокими причинами. Вся предыдущая политика и стремленіе землевладѣльцевъ къ аграрному протекціонизму показываютъ, что почва для этого была подготовлена и что, и помимо Kammertaxe, землевладѣльцы рано или поздно добились бы ввозныхъ пошлинъ, правда, не въ 1721 году, а нѣсколько позже, ибо въ эту эпоху еще всѣ министры и совѣтники короля были противниками протекціонной политики и всячески старались ее затормозить. Выгодность ввозныхъ пошлинъ для доходовъ казны отъ государственныхъ имуществъ привела лишь къ тому, что эти пошлины введены были гораздо раньше, чѣмъ это было бы при иныхъ условіяхъ, и что пошлины уже въ слѣдующемъ 1722 году были превращены въ полное запрещеніе ввоза, которое продолжало существовать и въ годы неурожая и голода [2]). При Фридрихѣ Великомъ фискальные интересы повидимому снова получаютъ преобладаніе. Ввозъ хлѣба и при немъ былъ запрещенъ, но лишь частнымъ лицамъ, тогда какъ казна сохраняетъ за собою право ввоза. Хлѣбная торговля была, такимъ

[1]) Acta Borussica. II. S. 196—209.
[2]) Acta Borussica. II. S. 238—240.

образомъ, превращена въ правительственную регалію, эксплоатація которой была передана привилегированной компаніи [1]). Это превращеніе хлѣбной торговли въ регалію Шмоллеръ объясняетъ тѣмъ, что частныя лица въ то время мало занимались торговлей хлѣбомъ, а между тѣмъ казна была заинтересована въ этой торговлѣ, такъ какъ казнѣ принадлежали огромныя пространства земель, арендная плата съ которыхъ частью уплачивалась натурой, и вмѣстѣ съ тѣмъ казнѣ необходимы были значительные запасы хлѣба для продовольствія арміи [2]).

Господствующая теорія, исходящая изъ того, что средневѣковая торговая политика вообще и таможенная въ частности была направлена къ обезпеченію народныхъ массъ дешевымъ хлѣбомъ, относится отрицательно къ политикѣ послѣдующихъ столѣтій, въ особенности къ политикѣ конца XVIII вѣка, ибо возникновеніе аграрнаго протекціонизма относятъ почему-то лишь къ этому времени. Если же стоять на той единственно правильной точкѣ зрѣнія, что и въ средніе вѣка, какъ и въ XVI—XVIII ст., благо народныхъ массъ не имѣлось въ виду въ таможенной политикѣ, и что вся разница обоихъ періодовъ заключается лишь въ томъ, что до XVII вѣка господствуютъ фискальные интересы, которые, начиная съ XVII вѣка мало-по-малу вытѣсняются интересами землевладѣльческаго класса, если мы вспомнимъ далѣе, что въ средніе вѣка, какъ и въ послѣдующія столѣтія, не было доходовъ государства, а существовали лишь доходы государя или владѣтельнаго князя, что таможенные доходы, какъ и всѣ другіе налоги, шли на удовлетвореніе личныхъ потребностей феодаловъ,—то мы совершенно иначе будемъ относиться къ аграрному протекціонизму XVII—XVIII ст., видя въ немъ не регрессъ, сравнительно съ предшествовавшей ему фискальной политикой, а, наоборотъ, нѣкоторой шагъ на пути прогресса, ибо интересы незначительной группы феодаловъ уступаютъ мѣсто интересамъ гораздо болѣе обширнаго круга—цѣлаго класса землевладѣльцевъ.

Какъ только что упомянуто, вплоть до XVIII вѣка расходы короля носили такой же частный характеръ, какъ и расходы всякаго другого помѣстнаго владѣльца. Государи—говоритъ Шмоллеръ—смотрѣли на себя не какъ на представителей государства, а какъ на частныхъ лицъ, на страну—какъ на свою вотчину. Еще въ VII-мъ вѣкѣ—указываетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—государи не знаютъ и не понимаютъ своихъ истинныхъ обязанностей—вся жизнь ихъ состоитъ въ пользованіи благами міра сего и въ занятіи охотой, жизнь достойная крупныхъ землевладѣльцевъ, а не главы государства [3]). Тѣхъ категорій

---

[1]) Ibid. I. S. 382. Falke. S. 307.

[2]) Schmoller, Preussische Finanzpolitik. S. 165.

[3]) Ibid. S. 114. 119. 137.

расходовъ, которыя мы находимъ въ современныхъ бюджетахъ, въ тѣ времена не было. О духовныхъ и матеріальныхъ потребностяхъ населенія король или герцогъ не заботился: эти потребности удовлетворялись городскими и сельскими общинами (приходами), цехами, гильдіями и ассоціаціями подмастерьевъ, монастырями и университетами, причемъ каждый изъ этихъ союзовъ располагалъ самостоятельными доходами, которые составлялись изъ доходовъ отъ принадлежащей общинѣ или корпораціи недвижимой собственности и изъ взносовъ ея членовъ. Доходы короля или герцога либо сдавались на откупъ, либо—въ особенности впослѣдствіи—собирались чиновниками, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и кормились отъ своей должности; то же было и съ другими чиновниками и судьями: жалованье имъ не входило въ составъ расходовъ короля; наоборотъ, оно часто составляло источникъ доходовъ короны, поскольку практиковалась продажа должностей. Наконецъ, и на защиту страны отъ внѣшнихъ враговъ первоначально почти ничего не приходилось тратить, ибо города защищались мѣстными же жителями, войско же короля состояло изъ помѣстныхъ владѣльцевъ, которые шли на войну по призыву короля, и опредѣленной платы за это никакой не получали, тѣмъ болѣе, что война была выгодна для нихъ, давая имъ возможность вернуться домой съ большей или меньшей массой награбленнаго добра. Такимъ образомъ, въ средніе вѣка всѣ расходы короля шли исключительно на удовлетвореніе его собственныхъ потребностей, на содержаніе двора, на устройство различныхъ пиршествъ и на подношеніе дорогихъ подарковъ лицамъ, снискавшимъ себѣ особое благоволеніе короля.

Въ XV, а въ особенности въ XVI—XVII ст. къ этому присоединились и расходы на содержаніе наемныхъ войскъ во время войны, а затѣмъ и постояннаго войска на поддержаніе дипломатическихъ сношеній и т. под., а также на сооруженіе и украшеніе дворцовъ и другихъ зданій, стоившее огромныхъ денегъ. Содержаніе же чиновниковъ попрежнему ничего не стоило, наоборотъ, продажа должностей практиковалась какъ и ранѣе, въ особенности она была широко распространена во Франціи: въ 1614 г. было продано государственныхъ должностей на 200 милл. ливровъ, въ 1664 году—на 800 милл., въ 1671—1709 гг. было вновь учреждено 40 тысячъ должностей съ цѣлью продажи ихъ разнымъ лицамъ [1]). Роскошь при дворѣ, говоритъ Левассеръ относительно Франціи XVI-го вѣка—расходы на женщинъ, охота и постройки, пенсіи (и подарки) и содержаніе большой арміи стоили очень дорого, вслѣдствіе расточительности короля всякая статья расхода стоила вдвое дороже [2]). Въ Бранденбургѣ со времени

[1]) Schomoller. Epochen der Preussischen Finanzpolitik. Umrisse und Untersuchungen. S. 161.

[2]) Levasseur T. II. 2 éd. 1901. P. 79.

Іоахима II роскошь при дворѣ усилилась: турниры, охота, скачки, бой быковъ, львовъ и медвѣдей—вотъ чѣмъ занимались во вновь построенныхъ дворцахъ. На имперскихъ сеймахъ князья столь много пили и играли, что въ результатѣ имъ приходилось закладывать лошадей и платье мѣстнымъ купцамъ подъ огромные проценты, чтобы имѣть возможность вернуться домой [1]). Въ началѣ XVII вѣка расходы короля французскаго на его собственныя потребности составляли больше половины бюджета [2]). И даже въ XVIII вѣкѣ, когда обстоятельства нѣсколько измѣняются и появляются новые государственные расходы, которыхъ раньше не существовало, расходы короля все еще играютъ преобладающую роль въ бюджетѣ, составляя во Франціи еще въ 1774 году $^1/_5$—$^1/_6$ всѣхъ расходовъ (ибо и часть „dépenses générales“ относится къ этой категоріи) [3]), а въ Испаніи въ 1778 г. болѣе $^1/_5$ [4]).

Такимъ образомъ, лишь по отношенію къ XIX вѣку можно говорить о государственномъ хозяйствѣ, ибо только съ этого времени доходы, получаемые путемъ обложенія населенія, тратятся если не цѣликомъ, то въ значительной мѣрѣ на его же нужды, на потребности государства, какъ цѣлаго. Неудивительно, что въ предыдущія столѣтія подъ словомъ „финансы“ понималось нѣчто такое, чего мы вовсе не связываемъ съ этимъ понятіемъ. Если въ XVI—XVII ст. съ «финансами» соединялось представленіе о различныхъ (сомнительныхъ) операціяхъ, практикуемыхъ короной для полученія доходовъ, когда собственныхъ (т. е. доходовъ съ доменъ) не хватаетъ, о ловкихъ продѣлкахъ ради скорой наживы, а финансовымъ управленіемъ называлось стремленіе кучки лицъ къ собственной наживѣ [5]),—то все это вполнѣ соотвѣтствовало условіямъ того времени, ибо до тѣхъ поръ, пока всѣ доходы или большая часть ихъ тратилась на личные потребности короля, населеніе должно было усматривать во всякомъ доходѣ, не имѣющемъ пошлиннаго характера, нѣчто неправомѣрное, установленное путемъ насилія. Съ измѣненіемъ этихъ условій и слово «финансы» должно было получить иное значеніе. «Сильная королевская власть—говоритъ Шмоллеръ—могла заставить подданныхъ платить налоги, но сознаніе права ея взимать налоги съ населенія могло образоваться лишь постепенно въ теченіе многихъ вѣковъ, по мѣрѣ того, какъ государство стало, въ свою очередь, оказывать услуги населенію и вести правильное финансовое хозяйство». «Первоначально населеніе усматривало въ налогахъ ограбленіе частныхъ лицъ, насильственное отнятіе имущества въ пользу

---

[1]) Schmoller, S. 131.
[2]) Clamageran. T. II. p. 389.
[3]) Ibid. T. III. p. 458—459.
[4]) Roscher. T. II. S. 181.
[5]) Roscher. Finanzwissenschaft. T. I. S. 3—4. Anm. 2—4.

короля, въ его личныхъ интересахъ» [1]). Штейнъ совершенно правъ, указывая на необходимость различать „Abgaben“ и „Steuern“; первыя существовали до XVIII вѣка, вторыя возникаютъ лишь въ XVIII вѣкѣ, ибо лишь съ этого времени „налоги затрачиваются на то, ради чего они взимаются, именно въ интересахъ благосостоянія каждаго индивида путемъ развитія государственныхъ учрежденій“ [2]).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что переходъ отъ фискальной таможенной политики относительно хлѣбныхъ продуктовъ къ аграрному протекціонизму является вмѣстѣ съ тѣмъ переходомъ части доходовъ отъ феодала къ цѣлому классу землевладѣльцевъ; и это распредѣленіе его между обширной группой лицъ, въ связи съ поощреніемъ земледѣлія, составляетъ, несомнѣнно, шагъ впередъ въ развитіи таможенной политики. Въ XIX вѣкѣ съ измѣненіемъ характера государственнаго хозяйства долженъ былъ измѣниться и характеръ аграрнаго протекціонизма, составляя уже не меньшее, а большее изъ двухъ золъ, такъ какъ въ XIX вѣкѣ при фискальной политикѣ доходы государства могли бы тратиться на пользу всего народа, тогда какъ аграрный протекціонизмъ создавалъ привилегированное положеніе для землевладѣльцевъ. Но существовала еще третья возможность: совсѣмъ освободить населеніе отъ налога на хлѣбъ, независимо отъ того, взимается ли онъ въ пользу казны, при стѣсненіи вывоза, или, при затрудненіи ввоза, въ пользу землевладѣльцевъ. Этотъ новый путь и былъ избранъ въ XIX вѣкѣ. Въ 1846 году Англія уничтожила „хлѣбные законы“, а ея примѣру послѣдовали и другія страны. Казалось, хлѣбныя пошлины были отмѣнены навсегда, и съ аграрнымъ протекціонизмомъ совершенно покончили. Между тѣмъ въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка, подъ вліяніемъ появленія остъ-индскаго и американскаго хлѣба на европейскомъ рынкѣ, аграрный протекціонизмъ возродился съ новой силой, и мы присутствуемъ въ настоящее время при томъ, какъ аграріи добиваются все большихъ и большихъ пошлинъ на хлѣбъ. Хлѣбныя пошлины XIX вѣка вообще и новѣйшій фазисъ ихъ развитія въ частности, а равно характеристика ихъ вліянія на сельское хозяйство, обрабатывающую промышленность и потребленіе народа не входятъ въ задачу настоящаго очерка. Мы имѣли въ виду лишь намѣтить основныя черты развитія таможенной политики до XIX вѣка; современный протекціонизмъ составитъ предметъ отдѣльнаго изслѣдованія.

---

[1]) Schmoller. Preussische Finanzpolitik. S. 119. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. I. S. 307.

[2]) Stein. Finanzwissenschaft. T. II Abt. 1. S. 349—351.

БИБЛИОТЕКА ХИМИЧЕСКОЙ